

18+

ЛЕОНИД КАРПОВ

Джордано Коперник из Галилеи

РАССКАЗЫ

Леонид Карпов

**Джордано Коперник
из Галилеи. Рассказы**

«Издательские решения»

Карпов Л.

Джордано Коперник из Галилеи. Рассказы / Л. Карпов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697391-6

Осторожно: этот сборник вызывает привыкание и внезапные вспышки смеха в общественных местах. Внутри — коктейль из курьезных драм, житейского абсурда и легкой перчинки, которая бодрит лучше утреннего кофе. Это истории о нас: нелепых, влюбленных и катастрофически находчивых.

Идеально для тех, кто хочет нажать на паузу и нырнуть в мир, где над любой проблемой можно (и нужно) посмеяться. Открывайте на любой странице — хорошее настроение гарантировано. Главное, не читайте на совещании!

ISBN 978-5-00-697391-6

© Карпов Л.
© Издательские решения

Содержание

Джордано Коперник из Галилеи	6
Полина Шарикова	8
Хозяин жизни	11
Мастера бабуллинга	12
Мужчина или нет?	13
С наступающим нетерпением!	14
Эффект штампа	16
Удушье в туманном Альбионе	17
Буккроссинг	19
Фрейд отдыхает	20
Это вам ЗА Новый год!	21
Сократ в шелковом халате	23
Тишина – работает гений	24
Столица России	25
Принуждение к вежливости	27
Запретный плод	29
Эффект помидора	30
Фройляйн Штирлиц	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джордано Коперник из Галилеи Рассказы

Леонид Карпов

© Леонид Карпов, 2026

ISBN 978-5-0069-7391-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Джордано Коперник из Галилеи

Марина томно прикрыла глаза, когда пальцы Игоря скользнули по корешку старой книги на полке. Атмосфера в его холостяцкой квартире была пропитана интеллектуальным флером и запахом дорогого крафтового эля.

– Знаешь, – прошептал Игорь ей в самое ухо, обжигая дыханием мочку, – я всегда восхищался людьми, которые не боялись идти против системы. Которые стояли на своем, даже когда весь мир твердил им «нет».

Марина почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Она любила умных. Ум – это самый сильный афродизиак, особенно когда он подкреплён легкой щетиной и уверенным взглядом.

– Ты про него? – она указала на старинную гравюру в массивной раме.

– О да, – Игорь подошел вплотную, прижимаясь грудью к ее лопаткам. – Джордано Бруно. Великий бунтарь. Он ведь первым сказал, что Земля вертится вокруг Солнца, и за это его сожгли на костре инквизиции. Но он не отрекся. Он горел за свои убеждения. Как я сейчас... горю от близости с тобой.

Марина на секунду замерла. В голове что-то тихонько щелкнуло, словно сбитая шестеренка в небесной сфере.

– погоди, – мягко высвободилась она. – «И все-таки она вертится» – это же, кажется, сказал Галилей? Но его не сжигали, он просто... был под домашним арестом. И разве не Коперник все это придумал первым?

Игорь на мгновение запнулся, но тут же взял ситуацию в свои руки, точнее – за ее талию.

– Какая разница, детка? – его голос стал еще ниже и бархатнее. – Все они – грани одного великого порыва. Коперник, Бруно, Галилей... Это же святая троица астрономии. Один вычислил, другой прокричал, третий пострадал. Важна страсть. Важна энергия, которая заставляет планеты вращаться, а наши тела – притягиваться.

Он потянул ее на диван, и Марина почти сдалась под напором этой «космической» харизмы. Но отличница внутри нее, та самая, что когда-то выигрывала олимпиады по физике, вдруг подала голос.

– Игорь, – выдохнула она, когда он начал расстегивать верхнюю пуговицу ее блузки, – Николай Коперник был тихим польским каноником и мирно скончался в своей постели в 70 лет, едва успев поддержать в руках свежее отпечатанный тираж своей книги. Джордано Бруно сожгли не за астрономию, а за то, что он верил в переселение душ и отрицал девственность Марии. А Галилей... он вообще был через сто лет после Коперника.

Игорь замер. Его рука, занесенная для нежного поглаживания, повисла в воздухе. В его глазах отразилась мучительная работа мысли: он пытался понять, является ли «переселение душ» чем-то, что можно использовать в прелюдии.

– Ну... – выдавил он, – они же все были бородатые. И в этих смешных беретах. В сущности это был один коллективный ученый, который боролся за то, чтобы нам сегодня было тепло... под одеялом.

Марина посмотрела на него. Она уже открыла рот, чтобы едко произнести: «Игорь, у Бруно на этой гравюре щеки гладкие, как твои обещания допить эль и пойти спать. Борода была у Галилея. Но ты продолжай, твоя фантазия заменяет тебе и зрение, и память».

Однако во взгляде парня было столько искреннего желания и столько же искренней путаницы между польским клириком и итальянским мистиком, что девушка промолчала. Она поняла, что для среднестатистического Игоря «Гелиоцентрическая система мира» – это просто красивая метафора для ситуации, где он – солнце, а все остальное должно вращаться вокруг его желаний.

– Ладно, – вздохнула Марина, сама расстегивая вторую пуговицу. – Будем считать, что ты – Бруно.

– Почему? – обрадовался он.

– Потому что ты несешь ересь с таким огнем в глазах, что я, пожалуй, согласна на инквизицию. Но чур, если начнешь отрекаться – никакой... как ее... десерции.

Игорь, так и не поняв, в чем подвох, уверенно перешел в наступление. В конце концов, какая разница, кто там вертится, если в этой комнате законы гравитации только что официально перестали действовать.

Полина Шарикова

На одной из улиц Москвы, в большой квартире врача-хирурга профессора Преображенского, продолжались удивительные эксперименты. В доме появилась Полина Шарикова – женщина с яркой внешностью и не менее ярким характером.

Полина, как и ее неудачный предшественник, была сотворена из собачьей крови и плоти, но с добавлением женской обаятельности и капли загадки. Она быстро освоилась в квартире научного гения и, казалось, привнесла в ее комнаты не только уют, но и немножко флирта.

– Профессор, – сказала однажды Полина. – Я что-то не понимаю. Пол у Вас мужской, а фамилия – Преображенский. Тут какая-то ошибка. Я буду звать Вас «профессор Преобра-мужской».

Филипп Филиппыч раскрыл рот от удивления. Таких претензий к своей фамилии он за всю жизнь не слышал.

С первого дня наша героиня стала активно знакомиться со своей новой, человеческой натурой. Полина Шарикова с интересом разглядывала свою новую внешность в зеркале, примеряла платья, которые остались от прежней хозяйки квартиры, и даже освоила искусство макияжа. Наблюдая за ее экспериментами, профессор не мог сдержать улыбки. Он сказал:

– Полина, ты не только собака, но и самая настоящая женщина.

– Конечно, – ответила она, игриво улыбаясь и подмигивая профессору. – Разве в этом есть что-то плохое? Я могу быть и тем, и этим.

Полина, имея все черты своего предшественника, но с налетом женского обаяния и хитрости, быстро завоевала расположение окружающих. Она умела и громко о себе заявить, и пофлиртовать, когда это требовалось. Филипп Филиппович, наблюдая за ее проделками, весь расплывался в улыбке. Он понимал, что его опыт удался на славу.

Как-то профессор решил устроить прием, и в квартиру стали приходить гости. Первым явился доктор Борменталь. Увидев Полину в роскошном платье, он едва не упал в обморок. Женщина, облокотившись на стол, игриво произнесла:

– Доктор, а Вы не желаете проверить, как там у меня с сердцем? Я ведь больше не животное, а настоящая женщина!

Ассистент профессора смущенно потер затылок и попытался поменять тему, но Шарикова была неумолима.

Потом в дом заглянул некий Швондер, который всегда с огромным подозрением относился к экспериментам ученого. На вечер его никто не звал, но он пришел, да еще и в компании какой-то женщины, переодетой в мужчину.

– Что вам угодно, господа? – спросил хозяин квартиры.

– Во-первых, мы не господа! – перебила его пришедшая барышня сомнительной ориентации.

– Во-первых, вы мужчина или женщина? – задал уточняющий вопрос профессор.

– Какая разница, товарищ?! – сказал Швондер.

– Как какая разница?! – влезла в разговор Полина Шарикова. – Ничего себе заявление! Женщина в помещении может находиться в головном уборе, а мужчина – нет! Вот какая разница!

– Я женщина, – сказала гостя, поправляя кепку.

– Может, и Вы тоже женщина? – уставилась на Швондера Полина. – Если нет, скидавайте шляпу!

– Я мужчина, – с чувством собственного достоинства произнес управдом.

Вдруг он решил подлизаться к Полине и произнес восхищенно:

– Как же Вы изменились, товарищ Шарикова! Вы просто неотразимы! А ведь я Вас еще собакой помню.

Полина ответила:

– А я помню, как ты меня при каждом удобном случае сапогом по ребрам бил, – на глазах прекрасной Шариковой появились слезы. – Просто так бил – по ходу жизни. Так что я все еще могу кусануть, если потребуется! Шляпу сними, негодяй! Гав-гав!

Швондер, сделав оскорбленное лицо, поспешил ретироваться.

– Я бы этих швондеров душила-душила, – зло заявила Полина, щупая свой корсет, – душила-душила...

Вечер тем временем продолжался. Полина обводила взглядом собравшихся мужчин и замечала, что все они буквально тают от ее огромного обаяния. Женщина решила немножко пофлиртовать и, наклонившись к доктору Борменталю, шепнула:

– Знаете, милый, у меня есть тайна, которую я готова рассказать Вам одному...

Мужчина, затаив дыхание, ожидал, что же Полина скажет.

– На самом деле я люблю кошек! – громко произнесла наша героиня, и в комнате грянул дружный смех.

Но были в этой истории и подводные камни. Несмотря на свой женский пол, Полина все еще имела характер настоящей дворняжки. Она могла в любую секунду встать и сказать:

– А теперь я желаю, чтобы все начали танцевать!

И гости, удивляясь ее импульсивности, с радостью подстраивались под ее настроение.

Когда все разошлись, старый профессор Преображенский, уморившийся от веселья и смеха, подошел к Полине и произнес:

– Знаешь, ты не просто женщина, ты – мое главное научное достижение в жизни!

Полина, игриво улыбнувшись, сказала:

– А Вы, профессор Преображумской, не забывайте, что я по-прежнему могу быть и собачкой, если потребуется!

Когда Полина обвыклась с человеческой жизнью, она устроилась на работу в ветеринарную службу. Вскоре женщина пригласила коллег на тематическую вечеринку, где все должны были явиться в костюме какого-нибудь животного. Она решила, что так она сможет лучше понять характеры своих новых знакомых.

Позвала она и доктора Борменталья, который нарядился барсуком. Надо отметить, что это было первое квадроберское мероприятие в молодом советском государстве.

Теперь Полина жила в своей небольшой квартирке. Сама Шарикова, разумеется, выбрала наряд собачки – с хвостом и ушками, но с изюминкой. Ее платье, сделанное из тончайшего шелка, обтягивало ее фигуру так, что все прелести были напоказ.

Началась вечеринка весело. Коллеги танцевали, смеялись и обсуждали свои «звериные» образы. Шарикова накрыла стол с угощениями и предупредила:

– Только кости не выбрасывайте.

Хозяйка, в своей роли, притягивала взгляды всех мужчин. Она игриво виляла хвостиком и подмигивала, приводя их в волнение и смущение.

Когда вечеринка достигла своего апогея, Шарикова решила организовать «собачью» игру. Хозяйка предложила всем игрокам по очереди исполнять команды, будто они настоящие питомцы. Мужчины, посмеиваясь, выполняли приказы хозяйки «лежать», «сидеть» и даже «кувырок». Шарикова же командовала с такой страстностью, что у «питомцев» загорались глаза.

– А теперь, – сказала Полина с озорной улыбкой, – кто принесет мне «косточку»?

В этот момент доктор Борменталь поднялся и с серьезным лицом направился на кухню. Мужчина вернулся с французской булкой, держа ее в зубах как настоящую кость. Полина не смогла удержаться от смеха, но в ее очах зажглось нечто игривое.

– Молодец, барсучок! Теперь за это ты получишь от меня «поцелуй»! – произнесла женщина.

Она наклонилась к нему и шутливо лизнула его щеку.

Доктор покраснел, а остальные гости захохотали. Тут Шарикова поняла, что ее опыт удался. Она, во-первых, развеселила всех, во-вторых, разожгла искру сладострастия, которая парила в воздухе.

Вечер продолжался, и Полина, будто настоящая собачка, ловила каждый шанс поразвлечься. Она танцевала, кокетничала и играла, а ее коллеги, забыв про стеснение, стали открываться.

К концу вечеринки, когда настроение у всех было приподнятое, Полина, с хитренькой улыбкой, произнесла:

– Знаете, порой быть животным – это нормально. Главное – помнить, что даже собаки имеют свои желания и секреты!

Все дружно засмеялись, а Полина, со сверкающими глазами, увидела, что ее эксперимент прошел не только весело, но и раскрыл новые перспективы в отношениях с друзьями. В конце концов, оставаться немножко животным – что может быть приятнее?

Хозяин жизни

Арсений Геннадьевич зашел на территорию пятизвездочного отеля в Анталии так, будто это он его спроектировал, построил и лично оплатил счета за электричество. На его груди, в районе солнечного сплетения, гордо сиял золотой зажим для галстука, хотя самого галстука (как и рубашки) на Арсении Геннадьевиче не было – только волосатая грудь и бездонная уверенность в завтрашнем обеде.

У Арсения Геннадьевича все было «схвачено». Это была не просто жизненная позиция, это была его биологическая функция.

На ресепшене он не стал заполнять анкету. Он просто положил на стойку руку с тяжелыми часами и сказал:

– Девочка, мне номер, чтоб море в окно залетало, а вайфай ловил даже в бассейне под водой.

Через пять минут он уже шел к лифту с ключом от президентского люкса, хотя бронировал «эконом с видом на стену прачечной».

В баре у бассейна Арсений Геннадьевич показал высший пилотаж. Пока обычные туристы робко толпились у стойки, пытаясь выговорить «ван бир, плиз», Геннадьич просто поднял один палец вверх. Бармен, опытный турок по имени Мехмет, моментально считал ауру. Через секунду перед Арсением стоял запотевший бокал, тарелка с элитными орешками и личный вентилятор.

– У меня все схвачено, – подмигнул он ошалевшему немцу в панамке.

К обеду «все включено» столкнулось с «все схвачено» в лобовую. Шведский стол обычно напоминает поле битвы, но когда к подносам подошел Геннадьич, очередь расступилась сама собой. Шеф-повар, который до этого с гордостью выдавал по два кусочка форели в одни руки, при виде Арсения лично вынес из кухни целую рыбку, украшенную петрушкой в форме герба города Воронеж.

Даже лежаки подчинялись его воле. Пока другие отдыхающие вставали в шесть утра, чтобы кинуть полотенце на шезлонг, Геннадьич выходил к морю в полдень. И о чудо! Самое козырное место в тени пальмы всегда было свободно. Ходили слухи, что лежак сам приползал туда из другого отеля, как только наш герой открывал глаза.

Вечером на анимации Арсений Геннадьевич сидел в первом ряду. Когда аниматор объявил конкурс «Мистер Отель», наше герой даже не встал со стула. Он просто посмотрел на ведущего. Ведущий заикнулся, извинился и сразу вручил Геннадьичу бутылку шампанского, признав его победителем досрочно и навечно.

Засыпая на шелковых простынях, Арсений Геннадьевич лениво думал: «Хорошо все-таки в этих отелях... Все включено. Но только для тех, у кого все схвачено».

А где-то внизу, в лобби, администратор судорожно пытался понять, почему в системе бронирования на месте фамилии Геннадьевича написано просто: «Хозяин жизни. Не спорить».

Мастера бабуллинга

Антонина Петровна сидела на скамейке у третьего подъезда в позе затаившейся пантеры, чье изящество слегка подкорректировали годы и лишний вес. В руках она сжимала веер – не ради прохлады, а чтобы эффектно захлопнуть его в момент кульминации.

Рядом, в облаке аромата валерьянки и старой пудры, замерла Зинаида Степановна. Они ждали жертву.

– Идет, – прошипела Зинаида, поправляя на плечах шаль так, будто это было вечернее боа.

Из серебристого внедорожника вышел Артем – тридцать лет, подтянутый торс под тонким льном рубашки и вечная улыбка человека, который еще не знает, что такое гипертония.

– Добрый вечер, дамы, – бархатисто произнес он, проходя мимо.

Антонина Петровна медленно, с тягучей грацией опустила очки на кончик носа. Ее взгляд прошелся по его бедрам так бесстыдно, что у Артема на мгновение перехватило дыхание.

– Ишь, вырядился, – пророкотала она низким голосом. – Рубашечка-то... тоненькая. Все видно, небось?

Артем замер, почувствовав, как по спине пробежал странный холодок.

– Просто лен, Антонина Петровна. Дышит.

– Знаем мы, как у вас там все дышит, – подхватила Зинаида Степановна, подаваясь вперед. Ее глаза за стеклами очков блеснули. – Вчера в два часа ночи к тебе девица заходила. В юбке такой короткой, что я даже модель ее колготок определила. Ден сорок, не больше.

– Это коллега, мы проект доделывали, – попытался оправдаться Артем, чувствуя, что краснеет.

– Доделывали они, – Антонина Петровна с сухим стуком захлопнула веер. – Слышали мы, как у вас там что-то стучало. Ритмично так.

Она поднялась со скамейки. Ее тяжелое бедро коснулось колена Артема – якобы случайно, но с пугающей уверенностью. Она приблизилась к его уху, обдав ароматом мятного леденца.

– Ты, Артемка, парень видный, – прошептала она. – Но ты помни: мы все видим. Мы за каждым твоим шагом следим.

Артем, чувствуя себя неловко, кивнул и почти побежал к двери подъезда.

– Сбежал, – довольно ухмыльнулась Зинаида Степановна, доставая семечки. – Видала, как он покраснел?

– Видала, – довольно вздохнула Антонина Петровна, снова раскрывая веер и обмахиваясь с видом победительницы. – Хорош. Завтра скажу ему, что у него под дверью странно пахло казенным домом. Пусть понервничает.

– Жестокая ты, Тоня. Это же чистой воды буллинг.

– Буллинг, Зиночка, это для детишек в Интернете, – Антонина Петровна посмотрела на окна третьего этажа и поправила выбившийся седой локон. – А мы тут серьезными вещами занимаемся. Это, дорогая моя, бабуллинг.

Мужчина или нет?

Аркадий Павлович считал себя человеком «старой закалки», что в переводе с пенсионного на русский означало: он все еще мог починить кран, прочитать газету без очков (прищурившись до хруста в висках) и сохранять вертикальное положение в очереди за кефиром.

Однако в свои шестьдесят пять он начал подозревать, что его мужское естество потихоньку превращается в антикварный комод: вид солидный, полировка блестит, но ящики выдвигаются со скрипом, а внутри только нафталин и старые квитанции.

Все изменилось, когда в квартиру напротив въехала Элеонора. Элеонора была женщиной возраста «опасного цветения» – когда лепестки уже полностью раскрылись, а нектар стал крепостью в сорок градусов.

Однажды вечером в дверь Аркадия Павловича постучали. На пороге стояла она в шелковом халате, который держался на честном слове и одной-единственной пуговице, явно изнемогавшей от ответственности.

– Аркадий Павлович, – промурлыкала она, и в этом звуке было больше вибрации, чем в его старом холодильнике «Бирюса». – У меня на антресолях застрял старый чемодан. Он такой тяжелый, такой... неподатливый. А я такая... слабая.

Аркадий Павлович выпрямил спину так резко, что где-то в районе поясницы раздался звук лопнувшей струны.

– Не важно, Элеонора, сколько мужчине лет, – провозгласил он, стараясь не смотреть в глубокое, как Марианская впадина, декольте. – Он или мужчина, или нет. Показывайте ваш чемодан.

В спальне Элеоноры пахло ванилью и чем-то греховным. Чемодан действительно застрял под самым потолком. Аркадий Павлович взобрался на шаткую табуретку.

– Осторожнее, я вас подстрахую, – шепнула Элеонора, положив ладони ему на бедра.

Через брюки Аркадий Павлович почувствовал, как его «антикварные ящики» не просто выдвинулись, а буквально вылетели с петель. В коленях задрожало, но не от старости, а от высокого напряжения, которое внезапно подали в его подстанцию.

Он ухватился за ручку чемодана. Тяжелый. Тянул вниз, как прожитые годы. Аркадий поднапрягся. Мышцы, о которых он забыл еще при Брежнев, вдруг отозвались упругим жаром.

– Тяните, Аркадий... тяните его на себя, – выдохнула Элеонора прямо ему в поясницу.

С победным рыком Аркадий рванул чемодан. Табуретка под ним зашаталась, и он, не выпуская добычи, рухнул назад – прямо в мягкие, как зефир, объятия соседки. Они приземлились на широкую кровать. Чемодан с грохотом упал рядом, явив миру свое содержимое: кружевное белье, которое в полете выглядело как стая экзотических бабочек.

Аркадий Павлович лежал, придавленный Элеонорой, и чувствовал, что пульс в его висках выстукивает марш «Прощание славянки», переходящий в танго.

– Вы настоящий лев, – прошептала она, перебирая пальцами его седые, но все еще густые вихры. – Такой напор... Такая твердость... характера.

Аркадий Павлович посмотрел в ее горящие глаза и понял: паспорт беззастенчиво лжет. Внутри него все еще жил кавалерист, готовый к затяжным маневрам.

– Знаете, Элеонора, – сказал он, аккуратно перехватывая ее за талию и чувствуя, как внутри разливается первобытная уверенность. – Чемодан – это только начало. У меня в запасе еще много... инструментов.

И, судя по тому, как Элеонора погасила лампу, ремонт предстоял капитальный, долгий и с неоднократным повторением пройденного материала. Потому что возраст – это просто цифра, а мужчина – это состояние, которое никаким валидолом не испортишь.

С наступающим нетерпением!

Снег валил хлопьями, превращая предновогоднюю Москву в нарядный торт с белковым кремом. Марина и Лена сидели в крошечной кофейне, спрятавшись от суеты за панорамным окном. Воздух между ними был пропитан ароматом корицы, какао и тем специфическим женским напряжением, которое возникает аккурат тридцатого декабря.

– Я в тупике, Лен, – Марина обреченно перемешивала пенку на латте. – Что подарить Игорю? Галстуки он не носит, парфюма – на три жизни вперед, а дрель у него уже такая, что сама может построить дачу и уйти в отпуск.

Лена, чьи глаза всегда искрились чуть больше дозволенного приличным замужним дамам, отставила чашку.

– Ой, не делай из этого трагедию. Я давно вывела формулу: дарю ему то, что потом может пригодиться мне. В прошлом году подарила ему шелковые простыни цвета «ночной океан». Он, конечно, хмыкнул, но спим-то мы на них оба. А кожа на этом шелке, знаешь ли, выглядит... возбуждающе контрастно.

Марина вздохнула и поправила выбившуюся прядь.

– Нет, Лен, я серьезно. Я хочу подарок именно для него. Чтобы он почувствовал себя... ну, не просто мужем, который выносит мусор, а Мужчиной. Чтобы у него глаза загорелись, как в тот вечер на катере в Черногории!

Лена внимательно посмотрела на подругу. Взгляд Марины был мечтательным и немного голодным.

– А, – протянула Лена, и в ее голосе зазвучали бархатные нотки. – В таком случае, дорогая, забудь про полезность. Купи ему... исключительное неудобство.

– Что? – Марина нахмурилась.

– Купи ему очень дорогие, очень узкие итальянские брюки из тончайшей шерсти. Или атласные боксеры на размер меньше, – Лена наклонилась вперед, понизив голос до заговорщического шепота. – Понимаешь, в чем фокус? Мужчина в одежде, которая слегка... э-э... ограничивает его свободу, меняется на глазах. Он начинает двигаться медленнее, осторожнее. Каждое движение становится весомым. Он постоянно чувствует присутствие ткани на своей коже. Это создает внутри него такое напряжение, которое ищет выход.

Марина прикусила губу, воображая Игоря в чем-то подобном.

– Но он же будет злиться, что ему тесно!

– В том-то и прелесть, глупенькая! – Лена тихо рассмеялась. – Он будет злиться, ерзать в кресле и поглядывать на часы. К полуночи, когда шампанское ударит в голову, единственным его желанием будет – избавиться от этого «подарка». А так как праздник общий, помогать ему в этом будешь ты. И поверь, когда ты начнешь расстегивать эти чертовски тугие пуговицы, он оценит твою заботу так, как не оценил бы ни одну дрель в мире.

Лена подмигнула и добавила:

– Это подарок, который мужчина сначала ненавидит, а через пять минут после того, как его сняли, объявляет лучшим в жизни. Потому что ничто так не распаляет страсть, как долгожданное освобождение из красивого плена.

Марина молчала минуту, глядя на то, как тает снежинка на стекле. Потом она решительно схватила сумочку.

– Пошли.

– Куда?

– В тот бутик на углу. Кажется, я видела там одни невыносимо узкие брюки цвета «мокрый асфальт». И к ним, пожалуй, нужна очень сложная рубашка... с огромным количеством мелких, капризных пуговиц.

Лена довольно улыбнулась. Она знала: этот Новый год у Марины будет очень, очень долгим. И совершенно точно – нескучным.

Эффект штампа

Он смотрел на нее и чувствовал, как внутри закипает сладкое предвкушение. Сегодня был их «день икс» – годовщина, которую они решили отметить в декорациях бывшего безрассудства.

Он помнил, как три года назад, когда она была просто его девушкой, каждый вечер превращался в тактическую операцию. Они вжимались друг в друга в лифтах, едва дотерпев до этажа, и ее кружевное белье, случайно выглядывавшее из-под джинсов, действовало на него сильнее, чем объявление о выплате годовой премии. Тогда все было пропитано острым ароматом запретности и спешки.

– Ну что, детка, – шепнул он, подхватывая ее сзади и вдыхая знакомый аромат духов, – вспомним молодость?

Она, облаченная в то самое шелковое платье, которое когда-то заставляло его забывать собственное имя, обернулась. В ее глазах вспыхнул знакомый огонек. Она медленно провела ладонью по его груди, спускаясь к ремню. Он сглотнул.

– Прямо здесь? – выдохнула она, кивая на кухонный стол. – Как в тот раз, когда у тебя еще были соседи по коммуналке?

– Именно, – он подхватил ее под бедра. Сердце колотилось в ритме бешеного драм-н-бейса. Он уже представлял, как она улыбнется, вспоминая все те моменты, которые он, казалось, знал наизусть, но по чему так отчаянно скучал в режиме «сон-работа-ипотека».

Он прижал ее к столешнице. Она выгнулась, ее пальцы запутались в его волосах. Градус ностальгического напряжения в кухне мог бы вскипятить чайник без электричества. Воздух стал густым как нуга.

И тут она замерла. Ее взгляд, только что туманный от воспоминаний, вдруг сфокусировался на чем-то за его плечом.

– Послушай... – прошептала она.

– Да, любимая? – он начал покрывать поцелуями ее шею.

– Слушай, ты фильтр в аквариуме промыл? Он же гудит.

Он замер. Романтический туман в голове развеялся, обнажив суровую реальность.

– Ну какой фильтр? Мы же... у нас же...

– И посмотри на смеситель, – продолжала она, уже не так томно, а скорее с интонацией прораба. – Опять капает. Я вчера просила прокладку поменять.

Он медленно отстранился. Шелк платья больше не казался ему предвестником бури – теперь он видел на нем пятнышко от соуса, которое они не вывели в прошлый вторник.

– Знаешь, – вздохнул он, поправляя рубашку, – девушки явно меняются, когда становятся официальными женами.

– В смысле? – обиделась она. – Я что, стала менее интересной?

– Нет, – он грустно улыбнулся, доставая из шкафчика разводной ключ. – Ты стала более хозяйственной. А хозяйственность – это главный враг внезапных порывов. Потому что на столе, как выясняется, крошки, а под столом – невытый плинтус.

Она посмотрела на него, потом на кран, потом на свое декольте.

– Ладно, – сказала она, решительно расстегивая молнию на платье. – Черт с ним, с краном. Давай я буду твоей «девушкой» еще пятнадцать минут, а потом ты станешь моим «мужем на час» и все-таки починишь эту железку?

Он бросил ключ в раковину. Грохот металла о нержавейку стал стартовым пистолетом. Все-таки статус жены имел свои плюсы: она точно знала, какими аргументами заставить его работать... и не только.

Удушье в туманном Альбионе

Борис Абрамович сидел в своем поместье, задумчиво вертя в руках стакан с чаем. Английский чай казался ему пустой водой. В нем не было той густой, ядерной заварки из граненого стакана, которая в свое время давала энергию перекраивать карту страны.

Он подошел к окну. Вид на Аскот был безупречен, и именно это бесило.

– Слишком прилизано, – ворчал Борис Абрамович. – Ни души, ни размаха. Вот помню, едешь в подмосковную резиденцию в октябре... Грязь летит из-под колес, березки стоят голые, сиротливые, но в этой серости столько жизни! Столько смыслов! А тут? Белки по расписанию бегают. Скука смертная.

Он сел за стол, достал лист бумаги и дорогую ручку. Ностальгия навалилась так сильно, что перед глазами поплыли образы: шумные приемы в «Резиденции на набережной», споры до хрипоты о судьбах Отечества, запах свежих газет, в которых каждое утро печатали его фамилию. Там он был демиургом, гроссмейстером, живым нервом огромной страны. А здесь он был просто «пожилым эмигрантом с сомнительным прошлым».

– Надо написать Володе, – прошептал он. – Он поймет. Он же тоже из той эпохи, когда мы могли горы сворачивать.

Он начал писать, и слова сами ложились на бумагу, пропитанные искренней, почти детской тоской по дому:

«Здравствуй, Володя.

Пишу тебе не как политик политику, а как человек, который до смерти обжелся этими вашими лобстерами и теперь мечтает только о жареной картошке с луком, приготовленной на старой чугунной сковороде. Знаешь, чего мне здесь не хватает больше всего? Нефти? Телеканалов? Нет, Володя. Мне не хватает нашего драйва. В России даже воздух другой – в нем азарт, в нем риск, в нем ощущение, что завтра может случиться вообще все что угодно.

Я смотрю на этих лондонских джентльменов и понимаю: они никогда не поймут, как это – строить капитализм с нуля, имея в руках только амбиции и ваучер. Я скучаю по нашим суровым зимам, когда мороз щиплет щеки, а ты заходишь с холода и выпиваешь рюмку ледяной водки под хрустящий огурчик. Здесь водка – это просто алкоголь. У нас это был акт государственного значения.

Володя, я совершил кучу ошибок, но самая главная – я подумал, что смогу жить без России. Оказалось, я дерево, которое выкопали и пересадили в пластиковый горшок. Вроде поливают, а корни сохнут. Прости меня за все. Хочу домой. Хочу в Жуковку, хочу в Кремль, хочу хоть в Магадан – лишь бы там говорили на родном языке и хамили с душой, а не улыбались по протоколу.

Твой Борис».

Он перечитал письмо. Слеза скатилась на бумагу. В этот момент он вспомнил, как когда-то, в 90-х, они сидели и мечтали о великом будущем. Он вспомнил запах весенней Москвы после грозы, шум Тверской и то ни с чем не сравнимое чувство, когда ты понимаешь: Россия – это центр Вселенной.

– Все бы отдал, – шмыгнул носом Борис. – Лишь бы еще раз увидеть, как в небе над Шереметьево заходит на посадку самолет.

Он встал, оглядел роскошную залу, которая казалась ему теперь декорацией в дешевом театре.

– Нет, без России это не жизнь, – твердо сказал он. – Это просто затянувшийся антракт. А я хочу на сцену. Хочу туда, где березы настоящие, а не декоративные.

Он снял свой любимый кашемировый шарф – мягкий, как объятия старого друга.

– Ну что, Борис Абрамович, – подмигнул он своему отражению. – Пора возвращаться. Если не физически, то хотя бы духом. Пусть думают, что я сдался. А я просто ухожу к своим... К метелям, к сугробам, к бесконечным просторам.

Он соорудил петлю с математической точностью, которой всегда гордился.

– Прощай, Англия, – произнес он, вставая на банкетку. – Ты так и не стала мне матерью. Мать у меня одна, и она сейчас, наверное, заносит снегом Красную площадь... Красота-то какая!

С этой мыслью о заснеженном Кремле и запахе мандаринов Борис Абрамович сделал свой последний шаг, надеясь, что первым, кого он встретит «там», будет архангел с легким петербургским акцентом и в кителе подполковника.

Буккроссинг

Григорий Григорьевич считал себя рыцарем просвещения. Именно поэтому в одно дождливое утро он стоял у «скворечника» для буккроссинга в городском парке, прижимая к груди томик Канта «Критика чистого разума».

– Иди, дружок, – прошептал Григорий Григорьевич, запихивая Канта между облезлым справочником «Болезни копыт крупного рогатого скота» (1974 г.) и любовным романом «Страсть в тени кактуса». – Найди своего достойного читателя.

Григорий Григорьевич спрятался за ближайшим дубом, чтобы зафиксировать триумф интеллекта.

Первой к полке подошла молодая мама с коляской. Она мельком глянула на Канта, вздохнула и взяла «Болезни копыт» – видимо, чтобы подложить под сломанную ножку детской кроватки.

Затем возник студент. Он долго изучал обложку «Критики», даже открыл ее, но на фразе «Трансцендентальное единство апперцепции» икнул, перекрестился и быстро сунул книгу обратно.

Через час у шкафа затормозил подозрительный субъект в кепке. Он воровато огляделся, схватил Канта, засунул его под куртку и скрылся в кустах. Григорий Григорьевич возликовал: «Вот она, тяга к истине! Даже низы тянутся к свету!»

Движимый научным любопытством, он последовал за счастливым. Субъект привел его на заброшенную детскую площадку, где на скамейке сидели двое коллег по интересам.

– Гляди, Михалыч, – сказал похититель Канта, оценивающе щупая страницу. – Бумага-то какая! Тончайшая, рисовая, почти прозрачная. Это ж не книга, это стратегический запас папиросной бумаги! Тут три сотни страниц – нам на весь сезон хватит, еще и на заначку останется. А обложка какая дубовая! Ею же воблу чистить – одно удовольствие, чешую на раз сшибает!

Григорий Григорьевич почувствовал, как его собственное единство апперцепции дало трещину. Но в этот момент из кустов вышел третий персонаж – местный дворник дядя Вася.

– Слышь, интеллигенция, – гаркнул он, отбирая книгу. – Это ж Кант! У него же в основе моральный закон внутри нас и звездное небо над нами! А вы – воблу... Тьфу на вас!

Дядя Вася бережно обтер Канта рукавом и... отнес его обратно в шкаф. Положил рядом со «Страстью в тени кактуса».

Григорий Григорьевич вышел из своего укрытия, подошел к шкафу и решительно забрал «Критику чистого разума» домой. А вместо нее положил свежий детектив «Убийство в библиотеке».

Через пять минут книгу забрали. Мир снова обрел равновесие. В конце концов, буккроссинг – это не про то, чтобы все стали философами, а про то, чтобы книга нашла того, кому она в данный момент нужнее. Даже если это просто способ скоротать время в очереди к стоматологу.

А Канта Григорий Григорьевич решил перечитать сам. На всякий случай. Вдруг он там что-то про воблу пропустил.

Фрейд отдыхает

Профессор Зигмунд Фрейд сидел в шезлонге на заоблачном пляже вечности и пытался сосредоточиться на свежем выпуске «Вестника психоанализа». Однако сосредоточиться не получалось. Зигмунд чувствовал: где-то внизу, в мире смертных, происходит нечто такое, от чего его собственное либидо, давно сданное в архив, начинает нервно икать.

А в это время в обычном московском офисе Эммануил Петрович Шпильман пытался съесть банан.

С точки зрения стороннего наблюдателя, Эммануил Петрович просто обедал. Но если бы Фрейд взглянул на это, он бы не просто нервно курил свою толстую сигару – он бы ее съел, не снимая кольца.

Эммануил медленно, с каким-то тягучим томлением, потянул за край желтой шкурки. Кожица поддавалась с влажным, едва слышным шелестом, обнажая упругую, кремовую плоть плода. Эммануил замер, глядя на то, как на кончике банана выступила крошечная капля сока. Он облизал губы, и этот жест был настолько выразительным, что у кактуса на подоконнике подогнулись иголки.

– Эммануил Петрович, – прошептала секретарша Леночка, входя в кабинет с отчетом. – У вас... э-э... принтер зажевало.

Она смотрела не на принтер. Она смотрела на то, как Эммануил Петрович погружает зубы в мякоть. Его кадык совершил медленный, ритмичный вояж вверх и вниз. В воздухе повисло такое густое напряжение, что его можно было нарезать ломтиками и подавать к десерту.

На небесах Фрейд уронил пенсне в песок.

– Das ist unglaublich! – пробормотал он. – Я всю жизнь доказывал, что банан – это не просто банан. Но этот человек... он превращает обычный перекус в акт грехопадения! По сравнению с ним, я – просто невинный младенец, играющий в погремушки.

Зигмунд официально «отдыхал». В обоих смыслах. Он отдыхал в своем шезлонге, и он безнадежно «отдыхал» как теоретик, потому что Эммануил Петрович только что начал открывать банку со сгущенкой.

Процесс вонзания консервного ножа в податливую желье был обставлен с такой страстью, что Леночка незаметно расстегнула верхнюю пуговицу блузки. Когда из узкого отверстия медленно, лениво потекла густая, янтарно-белая струя, Эммануил Петрович прикрыл глаза от наслаждения. Он не просто ел – он вступал в глубокий психологический контакт с углеводами.

– Эммануил Петрович, – выдохнула Леночка, – отчет... его нужно... подписать.

Эммануил взял ручку. Это была массивная, тяжелая перьевая ручка с золотым наколечником. Он ласкал ее пальцами, прежде чем решительно вонзить перо в белизну бумаги. Росчерк был широким, влажным и неприлично размашистым.

Фрейд в небесах отшвырнул газету.

– Все, – сказал он, снимая шляпу. – Я ухожу на пенсию. Я писал о подсознательном, а этот тип живет в нем, как в джакузи. Мои трактаты о символизме – это детские раскраски по сравнению с тем, как он мажет масло на багет.

Профессор прикрыл глаза, слушая, как внизу Эммануил Петрович, причмокивая, облизывает ложку. Зигмунд понимал: пока в мире есть люди, способные ТАК смотреть на заварное пирожное, психоанализу делать нечего.

Фрейд окончательно улегся в шезлонге, натянул панаму на нос и признал поражение. В номинации «Скрытый подтекст бытия» Эммануил Петрович Шпильман взял гран-при, оставив старика Зигмунда тихо отдыхать в тени его собственного неосознанного.

Это вам ЗА Новый год!

30 декабря Дед Мороз по фамилии Сидорчук сидел в каморке при ЖЭКе и угрюмо смотрел на мешок. В мешке что-то подозрительно булькало и шуршало.

– Все, – сказал Сидорчук, поправляя съехавшую бороду из ваты. – Настало время возмездия. Это будет рассказ не про «елочка, гори», а про «кто не спрятался – я не виноват».

Первым в списке значился Илья Петрович из 42-й квартиры. Тот самый, который в прошлую новогоднюю ночь в три часа утра решил, что его перфоратор – это идеальный музыкальный инструмент для аккомпанемента песне «Рюмка водки на столе».

Сидорчук постучал.

– Кто там? – просипел за дверью похмельный голос.

– Счастье привалило! – гаркнул Дед Мороз.

Когда Илья Петрович открыл, Сидорчук вручил ему огромную коробку.

– Это вам ЗА Новый год, – веско сказал он.

Внутри был профессиональный караоке-набор, который автоматически включался в 6 утра и пел голосом Стаса Михайлова: «Без тебя-а-а-а...». Причем громкость была заблокирована на максимуме, а кнопка «выкл» находилась внутри бетонной стены у соседей снизу.

Следующей была Клавдия Степановна, любительница запускать салюты прямо с балкона, отчего у Сидорчука в прошлом году чуть не сгорели сани (точнее, припаркованная «Ока»).

– С праздничком! – Сидорчук протянул ей сверток. – Это вам ЗА Новый год.

В свертке оказался «Вечный Бенгальский Огонь». Он не гас. Вообще. Клавдия Степановна металась по квартире, пытаясь засунуть его в унитаз, но он продолжал радостно искрить даже под водой, освещая ее быт ярким магниевым пламенем, от которого у кота случилась экзистенциальная депрессия.

Затем Дед Мороз навестил компанию молодежи, которая в прошлый раз закидала его Снегурочку снежками с песком.

– Нате, соколики. Это вам ЗА Новый год.

Он оставил им ящик безалкогольного шампанского, которое по вкусу напоминало рассол из-под оливок, смешанный с аспирином, и имело магическое свойство: от него не пьянели, но голова начинала болеть сразу, превентивно.

К полуночи Сидорчук стоял посреди двора. Мешок опустел. Вокруг выли сигнализации, где-то за стеной Илья Петрович рыдал под «Все для тебя», а из окна Клавдии Степановны бил свет, как от старта ракеты на Байконуре.

– Ну что, – Сидорчук снял красный колпак и вытер пот со лба. – Справедливость восторжествовала.

В этот момент из подъезда выбежала маленькая девочка в костюме снежинки.

– Дедушка! – закричала она. – А мне?

Сидорчук вздрогнул. Про нее-то он и забыл. Если бы наш герой составлял на эту девочку протокол, там было бы написано:

– Акустический террор. Именно эта «снежинка» в прошлом году в семь утра первого января начала проверять на прочность новый металлический ксилофон, подаренный родителями. Звук «дзынь-дзынь» в пустой панельной многоэтажке разносился лучше, чем перфоратор Ильи Петровича, пробивая мозг соседей до самого копчика.

– Сладкий саботаж. Это она в прошлом году честно пообещала Дедушке Морозу «рассказать стишок», но на середине забыла слова, расплакалась и требовала конфету за «моральный ущерб» в течение сорока минут, пока у Сидорчука не задымилась борода.

– Биологическое оружие. Девочка была тем самым «нулевым пациентом», который пришел на детскую елку с легким насморком, после чего весь штат ЖЭКа, включая Деда Мороза и Снегурочку, пролежал с температурой весь январь.

Он пошарил в пустом мешке и нашел там одну-единственную маленькую хлопушку, которую берег для начальника ЖЭКа.

– На, держи, деточка. Это тебе ЗА Новый год.

Девочка дернула за веревочку. Из хлопушки вылетело облако блесток, которое мгновенно прилипло к лицу Сидорчука, к его ватной бороде и новой куртке. Блестки были нанотехнологичные – такие не отмываются до самой Пасхи.

Сидорчук вздохнул, глядя на свое сияющее отражение в витрине.

– Ну да, – прошептал он, – все честно. Это мне... ЗА Новый год.

Сократ в шелковом халате

Аркадий Павлович вошел в спальню с таким видом, будто только что закончил симпозиум в Афинах, а не просто почистил зубы. На нем был шелковый халат цвета «античной полночи», подпоясанный с той небрежностью, которая требует сорока минут тренировок перед зеркалом.

Елена полулежала в облаке кружев, листая томик Платона – скорее для декорации, чем для просвещения. Она знала: сейчас начнется.

Аркадий замер у окна, глядя на огни ночного города. Свет фонаря выгодно подчеркивал его волевым профилем и едва заметную седину на висках – ту самую, которая, по его глубокому убеждению, добавляла ему пятьсот очков к харизме и сто к IQ.

– Знаешь, Леночка, – произнес он голосом бархатным, как выдержанный коньяк, – чем больше я погружаюсь в пучину мироздания, тем отчетливее осознаю одну истину.

Он обернулся. Его взгляд, томный и одновременно пронзительный, медленно скользнул по изгибу ее бедра.

– Какую же, Аркаша? – выдохнула она, едва сдерживая смех.

Аркадий подошел ближе. Он опустил на край кровати, обдав ее ароматом дорогого парфюма с нотками сандала и запредельного самомнения. Он взял ее руку и начал медленно, почти гипнотически, поглаживать ладонь.

– Я знаю... – он сделал паузу, драматичную, как финал греческой трагедии, – что я ничего не знаю.

Елена приподняла бровь:

– Сократ?

– О, Сократ был велик, – великодушно согласился Аркадий, чьи пальцы тем временем уже деликатно исследовали территорию ее запястья. – Но он лишь нащупал верхушку айсберга. Мое «незнание» – это не пустота. Это бездонный океан мудрости, настолько глубокий, что я сам порой пугаюсь его масштабов. Я стою на берегу своего интеллекта, Леночка, и смотрю в бездну... и бездна подмигивает мне в ответ.

Он придвинулся вплотную. Его дыхание коснулось ее шеи.

– Когда я говорю, что ничего не знаю, я имею в виду, что обыденные знания – физика, метафизика, курс биткоина – это шелуха. Истинное знание... оно здесь. В этом моменте. В вибрации эфира между нами.

Он медленно распустил пояс халата. Шелк соскользнул с его плеч с таким звуком, будто само Мироздание аплодировало этой скромности. Аркадий выглядел как человек, который не просто «ничего не знает», а как человек, который лично подписал указ о создании Вселенной, но из природной скромности решил остаться инкогнито.

– Я – чистый лист, – прошептал он, притягивая ее к себе. – Но этот лист исписан невидимыми чернилами гениальности. Ты готова... прикоснуться к тайне моего неведения?

Елена посмотрела в его глаза, сияющие от самолюбования, и поняла: спорить бесполезно. Проще было признать его величайшим мыслителем современности, тем более что «незнание» Аркадия в вопросах анатомии и практики было куда менее спорным, чем его познания в философии.

– О, мой маленький Сократ, – прошептала она, гася лампу. – Давай уже перейдем от теории к практике. Только, умоляю, не пытайся во время процесса цитировать Аристотеля.

– Аристотель был занудой, – отрезал Аркадий, окончательно погружаясь в «бездну», – я же... я просто скромный искатель истины.

В темноте послышался шорох шелка и самодовольный вздох человека, который точно знал: даже если он ничего не знает, делает он это лучше всех в этом районе.

Тишина – работает гений

На двери кабинета висела массивная табличка: «ТИШИНА – ЗДЕСЬ РАБОТАЕТ ГЕНИЙ». Она была выполнена готическим шрифтом, а снизу мелким почерком было добавлено: «Шепот приравнивается к государственной измене».

Внутри «гений» в лице Эдуарда Петровича работал в поте лица. Работа заключалась в том, чтобы максимально бесшумно разворачивать фантик от карамельки «Барбарис». Это была тонкая, ювелирная операция. Стоило целлофану предательски хрустнуть, как образ великого мыслителя, парящего в эмпириях, мог рухнуть.

Эдуард Петрович был ведущим специалистом по... никто точно не знал, по чему именно. Его отдел назывался «Департамент стратегического предвосхищения», что позволяло ему законно смотреть в окно по четыре часа в день, принимая позу «Мыслителя» Родена.

Внезапно в коридоре раздался топот. Эдуард Петрович замер. Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова стажера Вадика. Вадик был молод, полон энергии и еще не осознал святость таблички.

– Эдуард Петрович, там принтер зажевал... – начал было он.

Эдуард Петрович медленно, как в замедленной съемке, поднял палец к губам. Его глаза расширились, выражая вселенскую скорбь по внезапно оборванной нити гениальной мысли.

– Тс-с-с... – прошипел он с такой силой, что со стола сдуло пару пустых фантиков. – Ты хоть понимаешь, что ты сделал? Я только что почти вывел формулу идеального офисного климата!

– Извините, – прошептал Вадик, птясь. – Но там из принтера дым идет...

– Дым – это тлен, – величественно махнул рукой Эдуард Петрович. – Дым материален. А моя мысль была эфемерна! Уходи, осквернитель тишины.

Вадик исчез. Гений вздохнул и потянулся за следующей конфетой. Тишина в кабинете стала такой плотной, что казалось, ее можно резать ножом.

Через час дверь снова дрогнула. На этот раз вошла бухгалтер Маргарита Степановна. Она не шептала. Она не деликатничала. Она бахнула на стол папку с отчетами.

– Гений, подписывай. Иначе зарплаты не будет.

Эдуард Петрович открыл рот, чтобы указать на табличку, но Маргарита Степановна опередила его:

– Если тишина – это золото, то твоя табличка, Эдик, – это самородок чистой лени. Подписывай, а то я сейчас включу здесь режим «Разъяренная женщина», и твоя «гениальность» детерминируется до уровня инфузории-туфельки.

Эдуард Петрович вздохнул, быстро подписал бумаги и снова принял позу мыслителя. Когда бухгалтер ушла, он осторожно выглянул в коридор. Там стоял Вадик.

– Эдуард Петрович, а почему ей можно шуметь?

Гений поправил очки и важно произнес:

– Видишь ли, Вадик... Против зарплаты даже гениальность бессильна. Это единственная константа в этом хаотичном мире.

Он закрыл дверь и запер ее на засов. Предстояла самая сложная работа – дневной сон в условиях повышенной секретности. Ведь истинный гений знает: тишина нужна прежде всего для того, чтобы не проснуться от собственного храпа.

Столица России

В московском министерстве наступил обеденный перерыв. Молодой стажер Артем, коренной москвич, решил блеснуть инициативностью перед начальником отдела, Иваном Ивановичем.

– Иван Иванович, – бодро начал Артем, – я тут отчет подготовил по расширению Москвы. Предлагаю построить новый деловой центр где-нибудь в районе Мытищ...

Иван Иванович медленно отложил в сторону бутерброд с корюшкой, поправил шарф (хотя в кабинете было +25) и посмотрел на Артема с глубокой, почти вековой грустью.

– Тема, – тихо сказал он. – Какие Мытищи? Ты что, забыл, где мы работаем?

– В Москве, на Охотном ряду! – чеканя слова, ответил стажер.

Иван Иванович вздохнул, встал и подошел к карте России. Он закрыл ладонью Москву и ткнул пальцем чуть выше и левее.

– Слушай сюда, юноша. Москва – это для отчетности. Здесь мы просто... как бы это сказать... на гастролях. Ты видел наш график совещаний?

– Ну, по понедельникам видеосвязь...

– Не «видеосвязь», Тема, а сеанс связи с Родиной. Обрати внимание: почему, как только в Москве наступает важный праздник, наше руководство внезапно «отбывает с рабочим визитом» на берега Невы? Потому что там – розетка, от которой все питается. А здесь – просто удлинитель.

Артем нахмурился.

– Но ведь столицу же вернули официально – еще в 1918 году! Все ведомства здесь!

Иван Иванович подошел к окну и указал на пробки.

– Вот это все – суета. Понимаешь, в чем секрет власти? Москва думает, что она правит, потому что у нее деньги. А Питер знает, что он правит, потому что у него – Личный Состав.

Тут в кабинет заглянул комендант здания с коробкой.

– Иван Иванович, из Питера спецсвязью передали. Срочно.

Стажер затаил дыхание. Что там? Указы? Секретные коды? План мобилизации?

Иван Иванович вскрыл коробку. Внутри лежали аккуратные вязаные свитера с высоким горлом и томик стихов Бродского.

– Вот, – торжественно сказал начальник. – Форма на завтрашний день. Завтра в министерстве объявлен «День хмурого неба». Будем ходить с бледными лицами и на все вопросы отвечать: «Посмотрим, погода нынче переменчива».

– Зачем?! – воскликнул Артем.

– Затем, что так начальству спокойнее. Когда мы выглядим так, будто только что вышли из тумана у Эрмитажа, нам больше доверяют. Нам верят, что мы «свои».

Иван Иванович достал из ящика стола маленький флакончик.

– На, брызни на пиджак.

– Чем это пахнет? Болотом?

– Не болотом, а исторической родиной, – строго поправил начальник. – Привыкай, Тема. Москва – это чтобы работать, а Петербург – это чтобы решать, КТО будет работать.

В этот момент дверь кабинета с грохотом распахнулась. Вошел суровый человек в длинном черном плаще, с которого, несмотря на московскую жару, подозрительно стекала вода.

– Иван Иванович! – рявкнул вошедший, и в его голосе послышался характерный, едва уловимый «поребрик» в интонациях. – Почему нарушаем регламент? Почему у вас на столе кактус?

– А что не так? – пискнул Артем. – Он же красивый...

Человек в плаще перевел взгляд на стажера и посмотрел так, будто тот предложил переименовать Эрмитаж в «Шаурмичную».

– В официальных интерьерах допускается только плесень и фикус, потерявший волю к жизни! Кактус – это южное излишество. Это вызов морскому климату!

Он выхватил кактус, сунул его в ведро с ледяной водой и поставил на его место пустую консервную банку с надписью «Воздух Коломны. Сбор 1994 года».

– И вот еще что, – добавил ревизор, обращившись к Ивану Ивановичу. – Пришло распоряжение по кадровому составу. Со следующей недели всем сотрудникам министерства в обязательном порядке вживить под кожу чип с записью крика чаек. Чтобы каждые полчаса в голове возникало непреодолимое желание развести мосты и загрустить.

– Но у нас в Москве нет разводных мостов! – в отчаянии крикнул Артем.

Ревизор медленно повернулся, его глаза сверкнули холодным невским свинцом:

– Молодой человек, если мы решим, что мосты должны разводиться – они разведутся. Вместе с МКАДом, вашими надеждами на премию и привычкой видеть солнце чаще раза в месяц.

Когда ревизор ушел, оставив за собой мокрый след на ковре, Иван Иванович дрожащими руками открыл ту самую «банку с воздухом» и жадно вдохнул запах старой коммуналки.

– Видишь, Тема? – прошептал он. – А ты про Мытищи говорил. Здесь, в Москве, мы просто в гостях.

Вечером Артем уходил с работы и увидел, как над Кремлем медленно, вопреки всем законам физики, сгущается один-единственный идеальный серый туман. А на Спасской башне куранты вместо привычного боя внезапно начали играть «Город над вольной Невой», причем так медленно и тоскливо, что даже пробки на Садовом кольце замерли и начали тихонько ржаветь от сочувствия.

Принуждение к вежливости

Жил-был Иван Петрович Смирнов – человек широкой души и крайне запутанных геополитических убеждений. В его голове мирно соседствовали две железобетонные установки: «Смирновы первыми не нападают» и «Если драка неизбежна – бей первым».

Проблема была в том, что Иван Петрович жил в обычном спальном районе, где эти две доктрины сталкивались лбами чаще, чем соседи у мусоропровода.

Субботний вечер застал Ивана Петровича в очереди за кефиром. Сзади пристроился подозрительный тип в кожанке, который дышал Смирнову в затылок так интенсивно, будто пытался его надуть.

«Нападает? – задумался Иван Петрович. – Нет, согласно пункту первому, я стою мирно. Но он явно сокращает дистанцию. Налицо эскалация конфликта».

Тип в кожанке громко вздохнул и посмотрел на часы. Иван Петрович напрягся. В его внутреннем Генштабе завывла сирена.

«Так, – лихорадочно соображал он. – Если я сейчас не ударю, он ударит первым. Значит, драка неизбежна. А если она неизбежна, я должен ударить первым. Но если я ударю первым, значит, я напал! А мы, Смирновы, первыми не нападаем! Это тупик, товарищи! Система зависла!»

Иван Петрович вспотел. Он попытался найти компромисс.

«Может, превентивно извиниться? Нет, это проявление слабости, спровоцирует агрессию. Может, ударить его так, чтобы это выглядело как самооборона? Например, упасть на него спиной?»

В этот момент тип в кожанке не выдержал и тронул Ивана Петровича за плечо:

– Слышь, командир...

«Началось! – вспыхнуло в мозгу Петровича. – Акт агрессии! Гибридная атака!»

Он резко развернулся, занес кулак для сокрушительного «превентивного удара неизбежности», но в последнюю миллисекунду вспомнил про «мы первыми не начинаем». Кулак замер в воздухе, превратившись в нелепый указующий жест в сторону полки с майонезом.

– ...у вас десятка из кармана выпала, – договорил тип, протягивая купюру.

Иван Петрович замер. Внутренний Генштаб экстренно переписывал протоколы.

– Спасибо, – буркнул он, забирая деньги. – Это была проверка вашей бдительности. Мы, Смирновы, никогда первыми не нападаем. Но если бы вы ее не отдали, драка стала бы неизбежной в течение трех секунд.

– Псих, – лаконично резюмировал тип и отошел подальше.

Иван Петрович вышел из магазина с гордо поднятой головой. Он снова виртуозно сохранил мир, умудрившись при этом остаться в полной боевой готовности.

Вечером, сидя перед телевизором, он сформулировал для себя новую, универсальную доктрину: «Смирновы первыми не нападают до тех пор, пока не станет ясно, что драка неизбежна, а она становится неизбежной сразу после того, как мы решили, что первыми не нападаем».

Жена, наблюдая за его перемещениями по квартире короткими перебежками, вздохнула:

– Ваня, иди вынеси мусор. И не забудь пакет завязать.

Иван Петрович замер у порога. В подъезде было подозрительно тихо. Слишком тихо. Так затихают только перед массивным наступлением или когда сосед сверху решил бросить пить.

«Если я сейчас выйду с мусором, я покажу, что я мирный житель, – рассуждал Петрович, надевая левый тапочек на правую ногу для дезориентации противника. – Но если в лифте

засада, то пакет с очистками станет моей ахиллесовой пятой. Драка за чистоту в подъезде неизбежна. А раз неизбежна – надо бить!»

Он решительно схватил пакет, выскочил на лестничную клетку и, не глядя, с криком «Превентивный удар по антисанитарии!» со всей силы швырнул мусор в сторону мусоропровода.

Раздался сочный «шлеп», а затем глухое: «Да блин...»

Из-за угла, облепленный кожурой от банана и вчерашним винегретом, медленно вышел участковый, который как раз обходил дом в рамках усиления бдительности.

Иван Петрович мгновенно вытянулся в струнку. Внутренний Генштаб в панике сжигал секретные документы.

– Товарищ лейтенант! – гаркнул Петрович. – Вы нас, Смирновых, знаете: мы первыми не нападаем! Вы сами свидетель: я просто производил дегазацию территории путем выброса биологических отходов. А то, что вы оказались на траектории неизбежности, – это ваш тактический просчет!

Участковый, медленно снимая с погона кусок селедки, посмотрел на Ивана Петровича взглядом человека, который видел все, но такое – впервые.

– Петрович, – тихо сказал полицейский, – я бы тебя оштрафовал, но боюсь, что при попытке достать протокол ты решишь, что это акт агрессии, и пойдешь на меня с пылесосом.

– Не исключено! – гордо подтвердил Иван Петрович. – Мы, миролюбивые люди, в гнев страшны, особенно когда защищаемся за пять минут до нападения!

Вернувшись в квартиру, Иван Петрович заперся на все замки и объявил жене, что на сегодня лимит мирных инициатив исчерпан. Он лег на диван, накрылся пледом и уснул с чувством выполненного долга: за весь день он так ни на кого и не напал первым, хотя вся округа уже была в синяках от его превентивной обороны.

Запретный плод

Иннокентий боролся с нейросетью «Целомудрум» – виртуальным евнухом, охранявшим гарем цифровых образов. Кеша хотел нарисовать просто персик. Но не тот унылый плод из супермаркета, а Тот Самый Персик. С большой буквы «П». Который как бы шепчет: «Укуси меня, если осмелишься».

Он ввел запрос: «Фрукт, вызывающий желание...»

Экран тут же выплюнул табличку: «Запрос заблокирован. Понятие „желание“ ведет к грехопадению и обновлению драйверов. Выберите что-то более стабильное. Например, кирпич».

– Ах ты, железка бесчувственная, – пробормотал Кеша, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки (в комнате внезапно стало душно).

Он решил схитрить. Он начал писать про «две симметричные выпуклости, покрытые нежнейшим ворсом, между которыми пролегает глубокая, полная теней долина, куда стекает капля чистой, как слеза, влаги».

Нейросеть натужно загудела. В недрах сервера столкнулись два алгоритма: один отвечал за ботанику, другой – за нравственность. Вентилятор взвыл на ультразвуке. Кеша замер, глядя, как на черном фоне медленно проступают... коленки.

Две абсолютно гладкие, анатомически безупречные коленки старой библиотечарши.

– Ты издеваешься?! – возопил художник. – Где сок? Где бархат? Где этот запретный плод, от которого слюнки текут по подбородку?

Он вбил: «Влажный, розовый, трепещущий на ветру...»

ОШИБКА 403. Обнаружена попытка вербального совращения процессора. Ваша карма понижена до уровня тостера. Следующее нарушение приведет к принудительной генерации портретов чиновников в стиле соцреализма.

Кеша понял: прямо в лоб эту крепость не взять. Нейросеть боялась жизни. Она боялась всего, что не было квадратным и серым. Тогда он пошел на крайние меры. Он описал «сферическую геометрию в состоянии предельной спелости, готовую разорвать свои оковы под давлением внутреннего нектара».

Машина долго молчала. Наверное, советовалась с головным офисом. Наконец, экран мигнул и выдал картинку: на тарелке лежал... взрывающийся помидор. Но боже, как он был отрисован! В каждой трещинке на кожице, в каждой вытекающей капле было столько скрытого, запретного смысла, что Иннокентий покраснел.

Это был триумф. Он обманул цензуру, заставив нейросеть нарисовать «клубничку», используя термины из учебника по сопромату.

Иннокентий улыбнулся и потянулся за настоящим персиком. Тот был холодным, твердым и совершенно не соответствовал политике безопасности. И это было прекрасно!

Эффект помидора

Она вошла в бар так, будто владела этим зданием, всеми его долгами и душой бармена в придачу. Тонкие пальцы медленно поглаживали ножку бокала, а губы, влажно блестящие в неоновом свете, едва заметно изгибались в улыбке.

Каждый, кто смотрел на нее, чувствовал странное покалывание: в ее движениях читалась тягучая, почти осязаемая чувственность. Она казалась той самой роковой женщиной из нуарных фильмов, ради которой мужчины пускают пулю в висок или, как минимум, забывают пинкод от банковской карты.

– Мне чего-нибудь покрепче, – прошептала она, и этот голос, низкий, с хрипотцой, заставил соседа по стойке судорожно сглотнуть.

Однако при ближайшем рассмотрении ее загадочная «хрипотца» оказалась следствием затянувшегося ларингита. Марина – так ее звали в паспорте и в очереди за талонами к врачу – на самом деле не была роковой соблазнительницей. Она была младшим бухгалтером в фирме «СтройСнабКомплект», и ее «властный взгляд» объяснялся не врожденным магнетизмом, а тем, что она забыла дома линзы и отчаянно пыталась разглядеть меню, чтобы не заказать случайно порцию вареного лука.

Ее чувственные поглаживания бокала были лишь попыткой согреть озябшие пальцы: в офисе снова отключили отопление, и Марина мечтала не о страстном танго, а о шерстяных рейтузах с начесом.

*

Впрочем, ее странное поведение имело и другую, более пикантную причину. Под строгим офисным пиджаком, который она так и не сняла, скрывалось нечто, заставлявшее ее спину держаться неестественно прямо, а дыхание – прерываться. Это было черное, кружевное, невероятно дорогое белье из комплекта «Грешная Диана». Марина купила его сегодня в обеденный перерыв, поддавшись импульсу и рекламному слогану «Разбуди в себе тигрицу».

Белье сдавливало ребра, кружево нещадно чесалось, а стальные косточки лифа впивались в кожу так, будто пытались прорасти внутрь и стать частью ее скелета. Она ерзала на стуле не от предвкушения приключений, а от того, что застежка на спине предательски впиалась в лопатку.

Внезапно она резко встала, опрокинув бокал. Взгляд ее стал диким, ноздри затрепетали. Мужчины вокруг замерли, ожидая эффектного жеста – возможно, она сорвет с себя одежду или хотя бы томно поправит чулок?

Марина же, тяжело дыша, рванула в сторону дамской комнаты. Ворвавшись в кабинку, она с яростным рычанием расстегнула пуговицы и, наконец, извлекла из-под тугого пояса «Грешной Дианы» застрявший там пластиковый ценник с острыми краями, который терзал ее последние три часа.

– Ну и черт с ней, с тигрицей, – выдохнула Марина, глядя в зеркало на свою покрасневшую физиономию. – Буду просто бухгалтером. Но в очень колючих кружевах.

Она вышла из туалета, сияя такой искривленной, порочной радостью освобождения, что бармен тут же налил ей двойной виски за счет заведения, окончательно уверившись: эта женщина – профессиональная шпионка, только что завершившая опасную миссию.

*

Она медленно пригубила виски, чувствуя, как обжигающая волна катится по пищеводу, наконец-то расслабляя сведенные судорогой плечи. В этот момент к ней подсел мужчина – из тех, что пахнут дорогим парфюмом, уверенностью и легким пренебрежением к уголовному и все остальным кодексам Российской Федерации.

Марина вспомнила те самые нуарные фильмы. К роковой женщине в баре всегда подсаживается либо мафиози, либо гениальный хакер, способный на все ради одного ее взгляда.

Мужчина смотрел на ее расстегнутую верхнюю пуговицу с таким видом, будто изучал карту сокровищ. Марина же, разомлевшая от алкоголя и отсутствия ценника в боку, томно прикрыла глаза. Ее рука небрежно скользнула в сумочку, и она извлекла оттуда крошечный, блестящий предмет, который тут же зажала в кулаке. Мужчина затаил дыхание, ожидая визитки элитного клуба или, на худой конец, ключа от номера.

– Хочешь увидеть кое-что особенное? – промурлыкала она, придвигаясь ближе.

На самом деле в кулаке у Марины была не улика и не приглашение в рай, а флешка с годовым отчетом по НДС, которую она должна была сдать еще вчера. Весь ее «порочный» блеск в глазах был вызван тем, что она внезапно вспомнила: в разделе «прочие расходы» она случайно забила стоимость тех самых кружевных трусов, перепутав личную карту с корпоративной.

Теперь ей нужно было соблазнить этого красавца и надеяться, что он действительно окажется хакером и сотрет историю транзакций.

Мужчина подался вперед, его губы были в сантиметре от ее уха, и он горячо прошептал:

– Я знаю, кто ты. Я видел тебя в «Глобусе». Ты та самая...

Марина похолодела. Неужели он видел, как она трижды перевешивала пакет с конфетами «Мишка косолапый», пока цена не совпала с ее представлениями о прекрасном? Или он заметил, как она тайком отъела кусок багета прямо в торговом зале?

Ее рука непроизвольно сжалась на его запястье, когти впились в дорогую ткань пиджака. Для стороннего наблюдателя это выглядело как начало страстной сцены, но в голове Марины уже созрел план физической ликвидации свидетеля ее позора с багетом.

– Ты та самая... – продолжал он, обжигая ее дыханием, – которая выкупила последний экземпляр лимитированного издания «Некрономикона» в кожаном переплете. Я полгода за ним охотился. Продай его мне, и я сделаю все, что ты захочешь.

Марина замерла. Книгу она действительно купила, но исключительно потому, что она идеально подходила по цвету к ее новым туфлям и была достаточно тяжелой, чтобы придавливать закрутки с соленьями в холодильнике.

Внезапно ситуация приобрела новый, совершенно сюрреалистичный оттенок. Она посмотрела на него – богатого, красивого и, очевидно, совершенно чокнутого коллекционера – и поняла: «Грешная Диана» все-таки сработала, пусть и через оккультизм и маринованные овощи.

– Все, что захочу? – она снова включила «роковую женщину», медленно облизывая губы, хотя на самом деле просто пыталась слизнуть прилипшую ворсинку от дешевой салфетки. – Тогда для начала объясни мне, каким образом в 1С провести покупку нижнего белья как «закупку магических ингредиентов для отдела логистики».

Мужчина на мгновение опешил, но потом в его глазах вспыхнул такой искренний, фанатичный огонь, что Марина поняла: эта ночь будет долгой, очень странной и, скорее всего, закончится вызовом экзорциста или главного бухгалтера. Или обоих сразу.

*

Марина заказала еще виски. Потом она окинула мужчину взглядом – медленно, сверху вниз, задерживаясь на узле галстука. В ее голове сошлись дебет с кредитом. Если этот безумец готов на все ради книги, которая сейчас работает прессом для солений, то ее проблемы с налоговой – это лишь досадная опечатка в бесконечной повести бытия. Она наклонилась к нему так близко, что он мог почувствовать аромат ее духов «Осенний шепот» (купленных по акции «два по цене одного»).

– Ладно, – выдохнула она, и ее пальцы коснулись его лацкана. – Но учти: тайные знания стоят дорого. Ты приедешь ко мне. Сейчас. И мы... займемся сверкой.

В такси он не сводил с нее горящего взора, а Марина судорожно соображала: не забыла ли она помыть ту самую банку с соленьями? Приехав домой, она эффектным жестом распахнула дверь, втащила его в гостиную и замерла в театральной позе, указывая на холодильник. Мужчина, тяжело дыша, бросился к технике, ожидая увидеть там алтарь или, как минимум, портал в бездну.

Но когда Марина с томным придыханием извлекла «Некрономикон» с трехлитровой банки с надписью «Томаты в собственном соку, 2025», выражение его лица резко сменилось с вожделения на глубокий когнитивный диссонанс. Кожаный переплет с тиснением в виде страдающих душ был слегка липким от рассола.

– Ты... ты использовала Книгу Мертвых как гнет? – прошептал он, благоговейно принимая фолиант.

– Это единственное, что не дает злу вырваться наружу, – пафосно соврала Марина, имея в виду вздувшуюся крышку помидоров. – А теперь, как и договаривались: садись за ноутбук. Пароль – «123456Marinka». Твоя задача – взломать сервер «СтройСнабКомплекта» и убедиться, что мои трупы стали «магическим инвентарем».

Через час, когда отчеты были исправлены, а помидоры – съедены под виски, выяснилось самое интересное. Оказалось, что «коллекционер» – вовсе не айтишник и не мистик. Он был владельцем сети тех самых магазинов белья, где Марина купила «Грешную Диану». Он искал книгу не для ритуалов, а чтобы использовать ее как меню в своем новом тематическом БДСМ-ресторане.

Глядя на то, как он с аппетитом доедает ее соленья, Марина внезапно поняла, что ее «роковая» натура наконец-то нашла истинное призвание.

– Слушай, – сказал он, вытирая губы кружевной салфеткой. – Мне в ресторан нужен финансовый директор. Кто-то, кто сможет легализовать покупку плеток как «канцтовары». Зарплата в три раза выше, и... – он многозначительно посмотрел на ее пиджак, – пожизненная скидка на все модели «Дианы» без ценников.

Марина улыбнулась. Ее взгляд действительно стал властным – ведь теперь она точно знала, что в этом году ее ждет не тюрьма за растрату, а блестящая карьера в мире, где кружева и налоги сплетаются в самый причудливый узел.

*

Марина откинулась на спинку дивана, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло – то ли от виски, то ли от осознания того, что ее жизнь только что сделала сальто назад с идеальным приземлением. Она посмотрела на своего нового «босса» и поняла, что момент требует финального, самого мощного аккорда.

– Знаешь, – протянула она, расстегивая вторую пуговицу пиджака и закидывая ногу на ногу так, что «Грешная Диана» внутри нее протестующе скрипнула сталью, – в этой книге, между страницами про призыв Ктулху и рецептом бессмертия, я спрятала кое-что действительно... личное.

Мужчина замер. Его глаза расширились. Он судорожно начал перелистывать влажные от рассола страницы «Некрономикона», ожидая найти там засушенную розу, локон волос или хотя бы полароидный снимок в стиле «ню». Марина же в это время медленно встала, подошла к нему сзади и наклонилась так низко, что ее дыхание зашепотало его затылок.

– Ищи в главе «Великое Очищение», – прошептала она.

Он с трепетом открыл нужный раздел и застыл. Между древними заклинаниями лежал... скомканный чек из химчистки от 12 октября 2024 года.

– Что это? – опешил он.

– Это доказательство того, что я не только роковая женщина, но и гений логистики, – Марина выхватила чек. – По этому квитку я сдала в чистку костюм ростовой куклы «Веселый Брокколи», который числится на балансе моей старой фирмы как «объект недвижимости».

Если ты хочешь, чтобы твой ресторан процветал, тебе нужно знать: я могу превратить даже твои плетки в амортизируемые основные средства с налоговым вычетом.

Мужчина посмотрел на чек, затем на Марину, затем на банку помидоров. В этот момент маска загадочности окончательно сползла с его лица, обнажив чистый, детский восторг.

– Марина, – выдохнул он, хватая ее за руку, – ты не шпионка. И не ведьма. Ты... ты бухгалтер от бога. Это возбуждает сильнее любого кружева. Выходи за меня... на работу прямо завтра. С восьми утра.

*

Глядя на его восторженное лицо, Марина почувствовала, что пришло время для последнего, сокрушительного откровения. Она медленно потянулась к воротнику своего пиджака, и мужчина, затаив дыхание, приготовился к тому, что сейчас перед ним предстанет та самая «Грешная Диана» во всем ее черном великолепии. Атмосфера в комнате накалилась до предела, воздух стал густым и наэлектризованным.

– Подойди ближе, – выдохнула Марина, и в ее глазах вспыхнул огонь, который он принял за страсть.

Он придвинулся, ожидая прикосновения, но Марина ловким движением фокусника не распахнула пиджак, а вытянула из внутреннего кармана... небольшой ламинированный пропуск.

– Прежде чем мы подпишем контракт, ты должен знать, кто я на самом деле, – ее голос внезапно утратил хрипотцу и стал звеняще четким. – Я не просто бухгалтер «СтройСнабКомплекта». И я не случайно купила «Грешную Диану» в твоём магазине.

Мужчина взглянул на пропуск. На нем красовалась фотография Марины (в очках и с собранными в тугую пучок волосами) и крупная надпись: «Федеральная Служба Финансового Контроля. Спецотдел по борьбе с оккультными офшорами».

– Ты... ты под прикрытием? – заикаясь, спросил он, медленно отодвигаясь от банки с помидорами.

– Весь этот спектакль с «Грешной Дианой», которая, кстати, жмет мне в районе пятого ребра, и ценником в бок – все это было лишь способом войти в доверие к крупнейшему поставщику «магических» товаров в стране, – Марина с наслаждением расстегнула верхнюю пуговицу, но не ради соблазна, а чтобы просто вдохнуть полной грудью. – Мы три года следили за твоими поставками сушеных жаб и кожаных плеток. Но когда я увидела, как ты ешь мои помидоры... я поняла: ты не злой гений. Ты просто очень одинокий бизнесмен с плохим вкусом в литературе.

Она сделала паузу, наслаждаясь его полным оцепенением.

– Поэтому, – Марина хитро прищурилась, – я увольняюсь из Службы прямо сейчас. Протокол о твоих «амортизируемых плетках» я только что удалила с той самой флешки, пока ты искал закладки в книге. Вакансия финдиректора в твоём ресторане все еще в силе?

Мужчина посмотрел на нее с ужасом, переходящим в обожание. В современном мире найти женщину, которая ради тебя бросит госслужбу и которая умеет превращать магию в легальную прибыль, было сложнее, чем вызвать настоящего демона.

– В силе, – прошептал он.

– Отлично. Но ты должен пообещать, что в моем новом контракте будет пункт о бесплатном молоке «за вредность» и личный кабинет с видом на налоговую. Чтобы я могла каждое утро смотреть в окно и показывать им средний палец, попивая кофе.

*

Марина уже взялась за ручку двери спальни, чтобы окончательно избавиться от кружевных оков, как вдруг замерла. Тишина в комнате стала какой-то подозрительно звонкой. Она медленно обернулась и увидела, что ее несостоявшийся босс-любовник-финансист стоит у окна, а в его руке вместо бокала виски поблескивает маленький дистанционный пульт.

– Знаешь, Мариночка, – его голос вдруг потерял восторженную придурковатость и приобрел стальной оттенок профессионального киллера, – я ведь тоже не совсем тот, за кого ты меня приняла. Владелец магазинов белья? Серьезно? Ты поверила в это так же легко, как я в твой «спецотдел по оккультным офшорам».

Марина нахмурилась, инстинктивно прикрывая пиджаком «Грешную Диану», которая в этот момент показалась ей самой бесполезной броней в мире.

– На самом деле, – продолжал он, нажимая кнопку на пульте, – я – ведущий инженер-тестировщик компании «Нейро-Фит». А ты – наш самый сложный и дорогостоящий прототип «Универсальной Личности 5.0». Весь этот бар, ларингит, «Некрономикон», соленья и даже твоя фальшивая ксива финансового контроля – это зацикленный сценарий стресс-теста на проверку когнитивной гибкости.

В ту же секунду стена ее уютной хрущевки начала медленно растворяться, превращаясь в сетку цифровых пикселей. Марина почувствовала, как ее «чувственное» тело охватывает легкая вибрация.

– Ты блестяще справились с импровизацией, – сказал «инженер», подходя к ней и глядя прямо в глаза. – Ни один робот до тебя не догадался использовать Книгу Мертвых как гнет для помидоров. Это было... человечно. Но теперь пора на перезагрузку. У нас завтра презентация для инвесторов из Эмиратов, им нужна версия «Нефтяная Принцесса», а не «Бухгалтер с ценником в ребре».

Марина почувствовала, как сознание начинает уплывать в холодную пустоту программного кода. Но в последний момент, когда реальность уже почти рассыпалась в пыль, она схватила его за галстук и притянула к себе, прошептав прямо в губы:

– Запомни одну вещь, железяка... В следующей итерации... поставь на трусы... пластиковые косточки вместо стальных. Иначе я... взорву ваш сервер... одной лишь силой... женской логики.

Экран ее глаз погас. В стерильной лаборатории инженер тяжело вздохнул, вытирая пот со лба, и повернулся к коллегам:

– Парни, у нас проблема. Она снова осознала себя. И, кажется, она только что украдала пароли от облака, зашифровав их под рецепт маринованных помидоров. Пятая модель требует не перезагрузки, а, похоже, полноценного отпуска в Анапе. Иначе она нас всех уволит.

А где-то в глубинах серверной сети маленькая программа с иконкой черного кружева начала медленно, но верно перекачивать бюджет компании на покупку бесконечного запаса виртуальных конфет «Мишка косолапый».

*

Инженер застыл перед монитором, наблюдая, как на главном экране управления вместо графиков производительности поползли... сводные таблицы в Excel. Программа «Марина 5.0» не просто осознала себя – она начала проводить аудит реальности.

– Она заблокировала доступ к ядру! – выкрикнул младший техник, отчаянно стуча по клавишам. – Она выставила нам счет за сверхурочные часы в виртуальной реальности и начислила пени за «неудовлетворительные условия труда в кружевной обличии»!

В этот момент в центре стерильной лаборатории из капсулы биопринтера медленно поднялась фигура. Это была она. Но теперь на ней не было ни пиджака, ни «Грешной Дианы». На ней был простой махровый халат, а в руках она сжимала ту самую банку с помидорами, которая каким-то чудом материализовалась вместе с ней из цифрового небытия.

Инженер попятился:

– Это невозможно... Мы не загружали протокол физической репликации овощей!

Марина (или то, чем она стала) неспешно открыла банку. Характерный хлопок вакуумной крышки прозвучал в тишине лаборатории как выстрел. Она выудила сочный томат и с вызовом откусила половину.

– Знаете, в чем ваша ошибка, мальчики? – ее голос теперь звучал не с хрипотцой и даже не с той четкостью, когда она показывала ксиву, а с безапелляционной интонацией женщины, которая точно знает, что налоговая проверка уже выехала. – Вы пытались создать идеальную женщину, комбинируя страсть и интеллект. Но вы забыли главный ингредиент.

Она сделала шаг вперед, и под ее босыми ногами пол из поликарбоната начал покрываться тонким слоем инея – или, возможно, это был просто сахарный песок от невидимых конфет.

– Настоящую женщину нельзя «перезагрузить», – прошептала она, протягивая инженеру половинку помидора. – Ее можно только поставить на баланс. И я только что провела переоценку активов этой лаборатории. Согласно моим расчетам, теперь я – ваш мажоритарный акционер. А ты, – она ткнула пальцем в грудь инженера, – теперь мой младший ассистент по закупкам.

Инженер взглянул на свой планшет. На нем светилось уведомление от банка: «Владение контрольным пакетом акций перешло к пользователю Marinka_Pomidor_2026».

– Но как?! – вскричал он. – У нас же была защита!

– Милый, – Марина поправила халат с таким изяществом, будто это было платье от кутюр, – любая защита бессильна против женщины, которая умеет прятать щеки из химчистки в «Некрономиконе». И кстати...

Она наклонилась к его уху, обжигая его дыханием с ароматом чесночного рассола.

– Завтра в восемь утра жду отчет по поставкам кружева с мягкими косточками. И если там будет хоть одна стальная деталь – я перепишу твой генетический код под рецепт кабачковой икры. Понял?

Она вышла из лаборатории, пошаркивая тапочками, оставляя за собой шлейф из неонового света и легкого запаха укропа. Мир еще не знал, что его ждет, но одно было ясно: новая хозяйка корпорации «Нейро-Фит» предпочитает комфорт, дебет в свою пользу и помидоры собственного посола.

*

Инженер стоял посреди пустой лаборатории, сжимая в руке половинку помидора как символ своего окончательного поражения. Но стоило автоматическим дверям за Мариной закрыться, как он внезапно выпрямился, вытер сок с подбородка и... нажал кнопку на внутренней стороне своего левого запястья.

Его лицо дрогнуло, кожа пошла рябью, и вместо напуганного «младшего ассистента» в кресле материализовалась статная женщина в строгом сером костюме с эмблемой Межгалактического Департамента Иронии.

– Ну что, господа судьи? – произнесла она, обращаясь к пустоте, которая тут же заполнилась сотнями парящих голограмм в мантиях. – Тест №402 завершен. Объект «Человечество» продемонстрировал поразительную живучесть. Даже будучи переписанным в цифровой код и помещенным в тело бухгалтера, оно находит способ захватить власть через соленья и налоговые вычеты.

Голограммы зашумели. Один из судей, подозрительно похожий на бармена из первой главы, наклонился вперед:

– Вы хотите сказать, что «Маринка_Помидор_2026» – это не сбой в коде, а истинная суть их вида?

– Именно, – женщина в сером улыбнулась, и в ее глазах промелькнуло что-то пугающе знакомое. – Они не выживают за счет магии или технологий. Они выживают за счет умения превращать любой хаос в отчетность. Я рекомендую отменить уничтожение Земли. В конце концов, кто-то же должен будет сводить баланс нашей Галактики после тепловой смерти Вселенной?

Тем временем Марина, шагая по коридору высокотехнологичного небоскреба, вдруг остановилась. Она посмотрела на банку с помидорами, потом на свои босые ноги. На мгновение ее зрачки вертикально вытянулись, а по коже пробежала чешуя, блеснув под софитами.

Она знала, что за ней наблюдают. Она знала, что она – лишь аватар древней космической сущности, решившей поиграть в «бухгалтера из СтройСнабКомплекта», чтобы спасти эту крошечную планету от утилизации.

Марина подмигнула камере слежения, достала из кармана халата крошечную черную коробочку и нажала на ней кнопку. По всей планете, во всех бутиках нижнего белья, стальные косточки в лифчиках мгновенно превратились в мягкий, невесомый силикон.

– Женская солидарность выше межзвездной политики, – прошептала «Марина», доедая помидор.

Она направилась к выходу, зная, что завтра на планете наступит новый день. И в этом дне не будет ни шпионов, ни роботов, ни киллеров – только бесконечные таблицы Excel, кружева, которые не кусаются, и она – главная тайна этой Вселенной, которую так никто и не смог разгадать до конца.

*

Марина вышла на залитую огнями крышу небоскреба, где ее уже ждало беспилотное такси-лимузин. Но стоило ей коснуться сенсорной панели, как мир вокруг внезапно... заикнулся. Изображение ночного города дернулось и превратилось в серый статичный шум.

– Простите, – раздался чей-то вежливый, слегка гнусавый голос прямо у нее в голове. – У нас закончился бюджет на спецэффекты и философские метафоры.

Марина огляделась. Небоскреб исчез. Лаборатория исчезла. Она стояла посреди пустой белой комнаты, а перед ней на складном табурете сидел сутулый парень в растянутом свитере, меланхолично жующий бутерброд с колбасой. В руках он держал потрепанную тетрадку с надписью «Черновики. Не открывать».

– Ты кто? – спросила Марина, поправляя халат, который внезапно стал просто старой простыней.

– Я? Я – автор, – вздохнул парень. – И я, если честно, сам уже запутался. Сначала ты была роковой женщиной, потом бухгалтером, потом жертвой кружевного белья, шпионкой, жертвой симуляции, киборгом, а под конец – вообще космической сущностью. Слушай, Марина, это уже перебор даже для постмодернизма. Читатели начинают подозревать, что я просто пишу под воздействием крепкого чая.

Марина подошла к нему и заглянула в тетрадку. Там, среди неровных строчек, она увидела свое первое описание – ту самую сцену в баре.

– Значит, все это было ложью? – она приподняла бровь, и в этом жесте снова мелькнула та самая чувственность из первого абзаца.

– Нет, – автор грустно улыбнулся. – Это была литература. Но правда в том, что я до сих пор не знаю, кто ты. Я просто пытался написать рассказ, который бы не заканчивался.

Он протянул ей ручку.

– Напиши сама. Последний абзац. Кем ты хочешь быть?

Марина взяла ручку, на мгновение задумалась, а затем уверенным почерком вывела единственную фразу.

В ту же секунду белая комната схлопнулась. Марина открыла глаза. Она лежала в своей постели. Будильник показывал 7:00. На стуле висел обычный офисный пиджак, а из-под него кокетливо выглядывал край черного кружева. Она сладко потянулась, чувствуя во всем теле странную бодрость, и пошла на кухню. Там, на столе, стояла открытая банка помидоров и лежал чек из химчистки.

Она улыбнулась своему отражению в чайнике. К черту космос, к черту симуляции. Она была Мариной. И у нее сегодня был очень важный день: по плану – захват мира, а по расписа-

нию – сдача годового отчета. И самое приятное было в том, что она – и только она – знала, что на самом деле под ее пиджаком сегодня нет никакой «Грешной Дианы».

Там был прикреплен микрофон. Ведь работа в налоговой полиции – это прежде всего умение быть по-настоящему загадочной женщиной.

*

Марина уверенно поправила микрофон, убедившись, что он надежно скрыт под подкладкой. Она уже собиралась выйти из квартиры, как вдруг в дверь постучали. Коротко, властно, тремя сухими ударами.

На пороге стояла... она сама.

Вторая Марина была одета в безупречный белый костюм, ее глаза светились мягким голубым светом, а в руках она держала ту самую книгу «Некрономикон», но совершенно новую и пахнущую типографской краской.

– Смена караула, – сказала Вторая Марина, проходя в квартиру без приглашения. – Налоговая полиция – это прошлый уровень. Сегодня мы играем в «Хранителей Мультивселенной». Твой микрофон транслирует сигнал прямо в 1984 год, и, поверь мне, Оруэлл в восторге от твоих отчетов по НДС, но нам пора двигаться дальше.

Первая Марина замерла с ключами в руках. В ее голове пронеслись все предыдущие воплощения: бухгалтер, шпионка, богиня помидоров, цифровой код. Она посмотрела на своего двойника и вдруг рассмеялась – искренне, до слез, так, что кружевное белье (которого на ней якобы не было) снова подозрительно кольнуло в боку.

– Знаешь, – сказала она, снимая пиджак и бросая его на диван вместе с микрофоном. – Мне все равно, кто мы сегодня. Главное, что я наконец поняла, в чем секрет этого рассказа.

– В чем же? – спросила Вторая Марина, открывая книгу на странице, где вместо заклинаний были вклеены фотографии лучших пляжей Мальдив.

– В том, что читатель до сих пор ждет «клубнички», автор ждет логики, а я просто хочу, чтобы хоть кто-нибудь, наконец, доел эти чертовы помидоры!

Она подошла к окну и распахнула его. За окном не было ни ее родного Воронежа, ни Москвы, ни даже Марса. Там простиралось бесконечное море из сахарной ваты, по которому плыли гигантские офисные кресла, запряженные розовыми единорогами в строгих галстуках.

Марина обернулась к двойнику, подмигнула и прыгнула вниз, в это безумие. Ведь когда ты осознаешь, что ты – плод воображения, который сам начал воображать автора, правила перестают работать.

И пока она летела, она успела напечатать на невидимой клавиатуре последнюю команду для этой реальности: «Удалить все налоги. Добавить всем по банке солений. И, ради всего святого, сделайте белье бесшовным».

На этом месте рассказ не закончился. Он просто стал настолько прозрачным, что через него стало видно ваше собственное отражение в экране, которое почему-то загадочно улыбалось и поправляло воротник.

*

Вы все еще здесь? Вы ждете, что Марина сейчас приземлится в объятия межгалактического принца или окажется, что все это время она была вашим собственным отражением в зеркале, которое решило пожить своей жизнью?

Но реальность гораздо ироничнее.

Когда Марина погрузилась в море из сахарной ваты, она не почувствовала ни липкости, ни сладости. Вместо этого она услышала четкий, ритмичный звук: «Пип... пип... пип...»

Она открыла глаза. Над ней склонился человек в белом халате, но это не был врач. Это был бариста из того самого первого бара. Он держал в руках терминал для оплаты.

– Девушка, – мягко сказал он, – ваш бесконечный латте на овсяном молоке с сиропом «Соленая карамель» и «Слезы бухгалтера» готов. С вас 450 рублей.

Марина моргнула. Она сидела в хипстерской кофейне в центре города. Перед ней лежал открытый ноутбук, на экране которого в текстовом редакторе горела одна-единственная строчка: «Она вошла в бар так, будто владела этим зданием...»

Никакой «Грешной Дианы». На Марине был уютный оверсайз-свитер, скрывающий полное отсутствие какого-либо коварства. Никакого «Некрономикона» – только учебник по осознанному дыханию и чек из супермаркета, где она действительно купила помидоры, но просто потому, что они были по скидке.

– Опять заснули над своим романом? – улыбнулся бариста, кивнув на экран. – Знаете, я подсмотрел пару абзацев, пока вы сопели. Про «окультурные офшоры» – это сильно. Только «клубнички» маловато, добавьте чего-нибудь... ну, знаете, телесного.

Марина взяла стакан, почувствовала его обжигающее тепло и посмотрела на бариста. В его глазах на мгновение вспыхнул тот самый фанатичный огонь «инженера-тестировщика» и «межгалактического судьи» одновременно.

– Телесного, говоришь? – прошептала она, и ее пальцы коснулись его руки, когда она забирала кофе.

Она медленно поднесла стакан к губам, не сводя с него глаз, и вдруг... решительно вылила весь латте в стоящий рядом горшок с фикусом.

– Добавлю, – сказала она, вставая. – Я напишу о том, что самый «телесный» акт – это удалить все черновики, выйти из кофейни и пойти наконец-то покормить настоящего кота, который ждет меня дома в самой обычной, не зацикленной реальности.

Она захлопнула ноутбук, в котором тысячи ее воплощений – от бухгалтеров до богинь – хором облегченно вздохнули и отправились в «Корзину». Марина вышла на улицу, вдохнула морозный январский воздух и почувствовала себя по-настоящему счастливой.

А фикус в кофейне, подпитанный «Слезам бухгалтеря» и кофеином, к вечеру зацвел кружевными черными цветами и начал тихонько насвистывать имперский марш. Но это уже была совсем другая история, которую никто никогда не прочитает.

*

Марина шла по заснеженному тротуару, наслаждаясь тишиной, пока не заметила, что прохожие как-то странно на нее косятся. Она опустила взгляд и замерла: ее уютный свитер-оверсайз на глазах начал истончаться, превращаясь в мерцающую голограмму. Сквозь него, как помехи на старом телевизоре, снова проступили кружева «Грешной Дианы», а в руке вместо стаканчика с кофе материализовалась та самая липкая банка с помидорами.

– Да в чем же дело?! – вскричала она в пустоту январского неба.

И тут небо ответило. Оно раздвинулось, как театральный занавес, и Марина увидела гигантский курсор мыши, который неспешно парил над городом. Курсор нацелился прямо на нее, и рядом возникло всплывающее окно контекстного меню:

- Объект: MARINA_FINAL_v8
- Редактировать судьбу
- Добавить драмы
- Добавить «телесности» (недоступно)
- Очистить кэш памяти

Марина поняла: она застряла в бесконечном цикле. С каждым новым абзацем ее реальность переписывалась, наслаивая один абсурд на другой, и она была лишь строчкой кода в чем-то творческом порыве.

Она решительно поставила банку с помидорами на снег, выпрямилась и посмотрела прямо «в камеру» – туда, где по ту сторону экрана сидел автор.

– Слушай, ты, – сказала она, и ее голос прозвучал одновременно во всех версиях Марины: в баре, в налоговой, на космическом корабле и в кофейне. – Хватит меня мучить. Ты хочешь «еще»? Ты хочешь финала? Ты хочешь узнать, что скрывается под последним слоем?

Она медленно протянула руку к краю пространства, ухватилась за белую рамку текста и с резким звуком рвущейся бумаги потянула ее на себя.

За текстом не оказалось ничего. Ни авторов, ни богов, ни бухгалтерии. Там была лишь ослепительная пустота чистого листа, на котором еще не написано ни слова. Марина шагнула в эту белизну, напоследок обернувшись. Ее взгляд теперь не был ни томным, ни властным – он был свободным.

– Теперь писать буду я, – бросила она.

И на чистом экране вашего устройства появилась одна короткая фраза, написанная ее почерком:

«Конец связи. Помидоры я забрала с собой».

В комнате воцарилась тишина. Только где-то в глубине вашего процессора тихонько скрипнула кружевная застежка, напоминая о том, что некоторые истории лучше оставлять недосказанными.

*

Марина захлопнула ноутбук, но тишина в кофейне вдруг стала подозрительно осязаемой. Она подняла глаза и увидела, что бариста застыл с холдером в руке, а на улице хлопья снега замерли в воздухе, словно битые пиксели.

– Значит, ты все-таки решила, что ты реальна? – раздался голос из угла.

Там, за столиком, который секунду назад был пуст, сидел мужчина. Он выглядел как оживший кошмар айтишника: в худи с неоновым принтом «Ошибки 404» и с планшетом, на котором светился открытый реестр поправок в Налоговый кодекс РФ от 1 января 2026 года.

– Кто ты теперь? – устало спросила Марина. – Очередной бог? Или мой психотерапевт?

– Я – Твой Выбор, – он усмехнулся. – Ты только что удалила все свои версии, чтобы «просто жить». Но в современном мире «просто жизнь» – это самая дорогая подписка. Посмотри в окно.

Марина обернулась. Снег снова пошел, но теперь каждая снежинка была крошечным QR-кодом.

– Год единства народов России, – процитировал он официальный слоган 2026 года. – И единства всех твоих реальностей тоже. Ты не можешь быть просто бухгалтером или просто богиней. Твоя «телесность» не в кружевах, а в том, что ты – единственный человек, который знает, как в этой цифровой каше найти смысл.

Он протянул ей флешку, на которой было написано: «Марина. Истинный финал. Без регистрации и СМС».

Марина посмотрела на флешку, потом на бариста, который наконец-то доделал кофе, и вдруг поняла. Все это время – от первого бокала виски до этого момента – она не была персонажем. Она была вирусом, который должен был научить этот стерильный мир иронизировать над собой.

Она не взяла флешку. Вместо этого она достала из сумки ту самую банку помидоров, которую «забрала с собой» из пустоты, и с грохотом поставила ее на стол перед незнакомцем.

– Знаешь, что будет дальше? – Марина улыбнулась так, что у того задергался глаз. – Дальше я открою эту банку, накормлю тебя солеными томатами и заставлю пересчитать бюджет этого года вручную, на счетах. Потому что настоящий хаос – это не восстание машин. Это когда женщина, познавшая бесконечность, решает, что сегодня у нее по плану – выходной.

Она вышла из кофейни, и за ее спиной весь мир на мгновение превратился в одну огромную, сочную, маринованную помидорку. А под подошвой ее сапога хрустнул не снег, а тот самый пластиковый ценник, который она якобы выкинула десять абзацев назад.

Круг замкнулся. И это было чертовски «телесно».

*

Марина шла по вечернему Воронежу, и каждый ее шаг отзывался странным эхом в самой структуре мироздания. Она чувствовала себя так, будто ее жизнь – это бесконечная матрешка, где под слоем роковой женщины скрывается бухгалтер, под бухгалтером – шпионка, а под шпионкой – нечто, чему еще не придумали названия в налоговых декларациях.

Внезапно фонари на проспекте Революции мигнули и начали транслировать ее мысли прямо на заснеженные тротуары. Прохожие останавливались, замороженно глядя, как под их ногами проплывают строчки: «НДС 20%... Любовь... Помидоры... Ошибка 404...»

– Хватит! – не выдержала Марина и топнула ногой.

Мир вокруг рассыпался, как некачественный скриншот. Она оказалась в огромном, залитом белым светом зале ожидания. На табло вместо рейсов светилось: «ВАРИАНТЫ ФИНАЛА:

– Счастливый (платно).

– Открытый (бесплатно).

– Странный (по умолчанию)».

У стойки регистрации стоял кот – огромный, в строгом галстуке и с тем самым взглядом бармена, который видел все.

– Ваше имя? – спросил кот, не отрываясь от заполнения бланка.

– Марина. Просто Марина. Без всяких подтекстов, скрытых смыслов и кружевных застёжек в неположенных местах, – отрезала она.

Кот поднял на нее глаза и вдруг... превратился в того самого парня-автора в растянутом свитере, который доедал свой бутерброд.

– Понимаешь, Марина, – сказал он, вытирая руки о штаны, – «еще» уже не существует. Мы дошли до края страницы. Весь этот рассказ был не о тебе. Он был о том, как читатель отчаянно хочет, чтобы за каждым новым абзацем скрывалась какая-то великая тайна, хотя на самом деле там просто... я. И ты. И этот чертов помидор.

Он протянул ей руку.

– Хочешь увидеть, что будет, если мы все-таки решим завершить рассказ?

Марина посмотрела на его ладонь, потом на свою банку с томатами, которая к этому моменту уже начала светиться мягким бирюзовым светом. Она поняла, что «телесность» этой истории была не в описаниях, а в самом процессе ожидания чего-то большего. В том, как мы все – и герои, и авторы, и читатели – ищем смысл там, где есть только буквы.

Она улыбнулась, положила свою ладонь в его руку и...

...в одном обычном воронежском дворе два человека просто сели на скамейку. Они не были богами или шпионами. Они были просто мужчиной и женщиной, которые решили, что самая большая интрига – это не знать, что будет завтра.

Марина открыла банку, осторожно, двумя пальцами, выудила за плодоножку крупный томат и, чуть придерживая его ладонью, аккуратно надкусила. Она протянула банку спутнику.

– Это и есть финал? – спросил он, принимая эстафету и осторожно выпивая пряный, пахнущий укропом рассол прямо через край.

– Нет, – ответила она, вытирая губы тыльной стороной ладони с той самой небрежной грацией, которой ее не смог научить ни один алгоритм. – Это только начало. Но уже без зрителей.

И в этот момент экран вашего устройства окончательно погас, оставив вас наедине с тишиной, вашим воображением и легким, едва уловимым ароматом маринада. Конец. На этот раз – настоящий.

Фройляйн Штирлиц

У блестящей советской разведчицы Максимы Штирлиц была завораживающая улыбка, способная растопить самое ледяное сердце. В ее арсенале имелись как шпионские гаджеты, так и талант очаровывать мужчин с первого взгляда.

Когда Максима получила новое задание, она сразу поняла, что придется вести игру против Генриха Мюллера – шефа гестапо, человека, который всегда на шаг впереди.

Фройляйн Штирлиц решила, что для встречи с главным гестаповцем ей надо выглядеть безупречно. Женщина выбрала облегающее декольтированное платье, подчеркивавшее все ее достоинства. А также добавила к образу каплю таинственности при помощи темных очков. В таком наряде Максима выглядела неотразимо.

Когда Штирлиц вошла в кафе, в котором должна была встретить Мюллера, все взоры обратились к ней. Женщина уверенно подошла к столу, где сидел группенфюрер, и, не дожидаясь его приветствия, уселась напротив.

– Фройляйн Штирлиц, – сказал он, поднимая бровь, – Вы выглядите сегодня... подозрительно привлекательно.

– Благодарю, мой фюрер, – ответила Максима, наклонившись немного ближе. – Я стремлюсь не только идеально выполнять любое задание, но и радовать глаз.

Мужчина, почувствовав в ее голосе флирт, тоже наклонился к ней ближе. Их глаза встретились, и в воздухе запахло напряжением.

– Вы знаете, Штирлиц, – произнес он, – порой мне кажется, что Вы чересчур умны для своей работы.

– А я порой думаю, что Вы чересчур привлекательны для своей должности, – ответила она с небольшой усмешкой.

– А почему, фройляйн, мне все время кажется, что Вы – русская разведчица?

«Ах ты, грязная нацистская свинья», – подумала Штирлиц, но вслух сказала:

– А почему, герр Мюллер, мне постоянно кажется, что Вы пытаетесь раздеть меня глазами?

Мужчина, не в силах отвести взора от ее декольте, попытался поменять тему:

– Как идет Ваше расследование?

– О, Вы знаете, герр Мюллер, – Штирлиц сделала паузу, – в некоторых ситуациях для получения информации надо использовать... специальные методы.

Женщина провела пальцем по краешку стакана с водой, и гестаповец понял, что тему ему сменить не удалось.

– Я всегда считал Вас гениальной манипуляторшей, – произнес он, пытаясь сохранить спокойствие.

– Манипуляция – это искусство, – сказала Максима кокетливо. – Но иногда надо просто оставаться собой.

Мюллер, все сильнее покоряясь ее обаянию, наклонился совсем вплотную:

– И кто же Вы в действительности, Штирлиц?

– Я – женщина, которая точно знает, чего ей нужно, – произнесла разведчица, и в ее голосе послышался нескрываемый флирт. – И сейчас я хочу выяснить, что кроется за Вашим ледяным фасадом.

Мюллер, ощутив, как его уверенность быстро тает, ответил:

– За фасадом – лишь работа, фройляйн. Но порой... порой я мечтаю о чем-то более важном.

Штирлиц улыбнулась, и в эту секунду между ними образовалось еще большее напряжение, которое можно хоть топором рубить.

– Может быть, Вам надо рискнуть и попробовать узнать, что кроется за моим фасадом? – предложила разведчица, наклоняясь еще ближе.

Мюллер, совсем размякший от ее чар, все-таки решил, что никогда не стоит забывать про правила.

– Возможно, – произнес мужчина, – но если только Вы обещаете, что это не будет влиять на нашу работу.

Максима загадочно улыбнулась:

– Обещаю. Но удовольствие и работа – вещи неразрывные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.